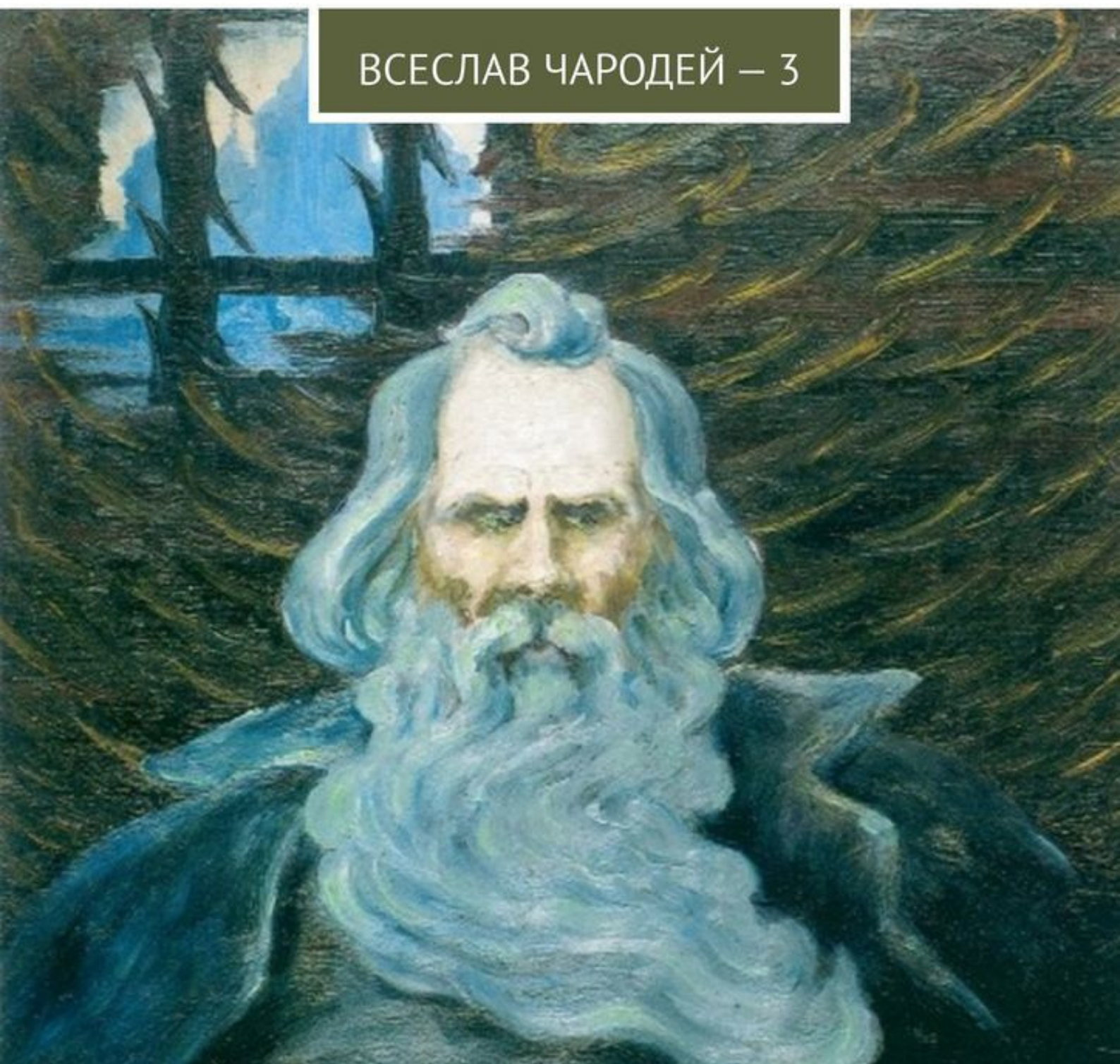

18+

ВИКТОР НЕКРАС

Кошчеево седло

ВСЕСЛАВ ЧАРОДЕЙ – 3

Виктор Некрас

**Кощеево седло.
Всеслав Чародей – 3**

«Издательские решения»

Некрас В.

Кощеево седло. Всеслав Чародей – 3 / В. Некрас —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512109-7

После пленения полоцкого князя Всеслава Чародея власть в Полоцке удержала его жена, княгиня Бранемира. А воины пленённого князя замышляют его освобождение...

ISBN 978-5-00-512109-7

© Некрас В.
© Издательские решения

Содержание

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
1	6
2	10
3	15
4	18
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
1	23
2	27
3	31
4	35
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	40
1	40
2	44
3	48
4	53
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	57
1	57
2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кощеево седло Всеслав Чародей – 3

Виктор Некрас

ШПИОН – (неодобр.) человек, занимающийся шпионажем – негласным сбором секретной информации для противной стороны. Этимология: происходит от нем. SPION – то же от итал. SPIONE, которое основано на герм. форме, родственной нем. SPÄHEN «следить». Русск. начиная с Ф. Прокоповича, 1703 г.

ВИКИСЛОВАРЬ

© Виктор Некрас, 2020

ISBN 978-5-0051-2109-7 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-6394-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Пел ветер всё печальнее и глуше,
Навyleт Время ранено, досталось и Судьбе.
Ветра и кони и тела, и души
Убитых выносили на себе.*

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Маме, которая верила, несмотря ни на что

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ Осень 1067 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ У РАЗБИТОГО КОРЫТА

1

В киевских яблоневох садах – красно, запах спелых яблок сводит с ума. Ночью дрогнет ветка яблони от ветра, обрушится спелое яблоко на *гонтовую* кровлю, звонко лопнет пополам. Убилось яблоко.

Колюта задумчиво усмехнулся. Где сейчас у него те *гонтовые* кровли? За много лет жизни в Плескове, а после в Киеве, бывший *гридень* навьк к иным кровлям, камышовым да соломенным. Хотя вот и сейчас по камышу хорошо было слышно, как скатилось спелое яблоко наземь. Не забыть бы утром его подобрать – жалко, если пропадёт.

Яблоневый сад на Оболони был невестимо чей, хозяин давным-давно погинул в войне Ярослава с печенегами, но тридцати лет с его исчезновения ещё не миновало, а потому никто не отваживался наложить лапу на достояние великокняжьего воя. Так и догнивал в саду поне-многу глинобитный дом, крытый камышом, служил долгими зимами приютом для калик перехожих. Навсегда же поселиться там никто не отваживался.

Впрочем, тридцать лет миновало как раз в прошлом году, – поправил себя Колюта. – Тридцать лет в одно лето – что разгрому печенегов от Ярослава, что смерти Мстиславлей, славного черниговского князя Мстислава Владимирича Лютого, что заточению его господина, Судислава Ольговича. И его холодной и голодной жизни – тоже тридцать лет миновало в прошлом году. Может быть, уже в этом году появится охотник тут поселиться, можно будет забыть про временный приют, хорошо послуживший Колюте в прошлые годы. Одно к одному, раз уж и так всё рухнуло, так и жалеть теперь про то нечего. Новое пристанище найдём. Хоть в Берестово подавайся – за время своей тайной киевской жизни Колюта уже не раз менял свои приюты, раз и в Вышгороде зимовал.

И всё-таки бывший *гридень* не плакался на судьбу. Судьба была ровно такой, какой он её выбрал когда-то. Не тогда, когда порешил идти служить князю Судиславу, сорок с лишним лет тому, совсем ещё мальчишкой, *отроком* несмышленным, только недавно наловчась держать в руках меч, щит да лук. А тогда, тридцать один год назад, после несчастливого белозёрского *нятья* Судислава. Тогда он мог (а не мог, Колюто, не мог!) порешить иначе. Когда очнувшись, узнал про судьбу князя и дружины, мог бы махнуть рукой, как иные из воев, а и *гридней* даже – мол, не так велика оказалась удача того князя Судислава, чтоб ему служить и дальше. А иные и так рассудили – не столь уж и долго кормил их князь Судислав в своём терему, чтобы служить проигранному делу.

Колюта не осуждал решивших так. Но сам он выбрал иное.

Будь живы те, кто тогда погиб... всё поворотилось бы иначе. Но всё сбылось так, как сбылось.

Вот в тот день, тридцать один год тому, Колюта мог и перерешить свою жизнь иначе. Только...

Только что это была бы за жизнь?!
Жизнь предателя?
Отступника?

Колюта дёрнул щекой и, поняв, что ему больше не заснуть, поднялся с брошенного на лавку *рядна*. Высек огонь. Трепещущий огонёк на светце осветил небольшое жило, колченогий стол и на нём – глубокую глиняную чашку с яблоками, висящий на стене короткий топор. Сел к столу, с хрустом откусил от яблока, задумался.

Второй раз у него была возможность всё изменить после смерти князя Судислава. Передать Всеславу Брячиславичу грамоту господина, а после... а что – после? Никакого «после» для Колюты уже не было, дальше он мог только продолжать делать то же самое.

Так и теперь.

Слух о том, что схваченного обманом полоцкого князя держат в его же терему в Берестове под неусыпной охраной, пронёсся по Киеву уже в начале *зарева*, с месяц тому назад. И сразу же тот слух стал постоянной головной болью для Колюты.

После того, как усакал в Полоцк с донесением о зимнем походе Горяй, да так там и погинул без вести и навести, бывший *гридень* Судислава Ольговича, а ныне зажившийся в Киеве *калика* остался почти что один.

Что у него было?

И кто у него был?

Было у него невеликое бремя серебра, хватило бы, пожалуй, небольшую торговлю открыть, соль развозить из Киева в древлянскую сторону, а больше и ни на что.

И было у него пара знакомых в городской страже, *волхв* в Вышгороде, которому самому в пору таиться от великокняжьих воев, да мальчишка-*холоп* в Берестове, тот, что зимой рассказал ему о готовящемся походе Ярославичей на кривскую землю.

В Берестове!

Но Бус, про которого всё время помнил Колюта, служил в Берестове не в терему у Всеслава, а в великокнязьем. И что скажет мальчишка-холоп, кривич, если попырует сунуться на Всеславль двор, а приставленные стеречь страшного и драгоценного пленника вои спросят у него, что ему надо? Начнёт околесицу плести, про то что, заблудился, а то про то, что соли в долг попросить пришёл?

Нет, тут следовало всё как следует продумать. Так, как Колюта навыв делал за все долгие двадцать три года служения Судиславу Ольговичу в порубе, да за четыре года служения ему же в монастыре. Да и за время службы у Всеслава, тоже уже немаленькое, никто так и не смог угадать в *каликe* оторвиголову-*гридня*. Да и забыли все давным-давно про *гридня* Колюту за тридцать лет, а кто и знал его, так либо думает, что он умер, либо сам в могиле. Потому они с Всеславом тогда, четыре года тому, так и порешили.

Собственно, помочь Всеславу убежать не столь уж и сложно.

Нужны только люди.

Сделать подкоп. В Берестове это сделать будет трудно. Очень трудно. Берестово – село великого князя, там все друг друга знают, каждый человек на виду. Но и это преодолимо.

Бежать... а куда бежать полочанину? В Полоцк, вестимо. Это понятно, к жене и детям... детям. А полоцкие княжичи, Рогволод и Борис...

Колюта застонал, схватясь за голову, вновь утыкаясь в ту же самую беду, что и до того.

Нужно узнать, где княжичи.

Нужно вызнать, как подобраться к Всеславу, заслать к нему человека, хотя бы одного.

Нужно проложить тропу для бегства.

И самое главное, самое первое – нужно побывать там, в кривской земле, посмотреть, что там и как.

Тем более, что пришла пора исчезнуть из города, где Колюта изрядно намозолил людям глаза. За четыре года он несколько раз покидал Киев, уходил в Чернигов, Вышгород, бывал и в Переяславле. Для *калики* – обычное дело.

И исчезнуть лучше всего – немедленно.

Великий тысяцкий Киева, воевода Коснячок хмуро глядел исподлобья, так, словно сожрать хотел своего верного воя. Борис поднял голову, встретился взглядом с воеводой, чуть дрогнул в душе, но глаз не опустил. Не хватало ещё. Был бы виноват в чём – иное дело, а тут-то с чего?

– Ну и куда он делся? – хмуро спросил Коснячок, чуть приподымая косматую бровь. – Сорока унесла? Горяй, вестимо, блестящий вой был, да только разве ж сороке поднять такое?

Борис невольно усмехнулся, но на деле ему было вовсе не до смеха. Он всё ворочал в голове услышанное от пленных полочан, и не мог уложить погоднее, чтобы обмыслить и потом сообщить воеводе. А пока прикидывался безответным, ни в чём не виноватым. Хотя и Коснячок, надо сказать, вряд ли ему верил в том – он-то отлично знал, насколько хваткий и толковый вой Борис Микулич.

– Когда его в последний раз видели?

– Зимой, – мотнул головой Борис, уложив, наконец, мысли в голове и поняв, что и как он будет говорить Коснячку. – Здесь, в Киеве, его последний раз перед походом видели. Как рати начали собирать, так он и пропал невестимо куда.

– Здесь, в Киеве? – тут же ухватил главное тысяцкий. – А где его видели ещё?

Борис помялся, потом бухнул напрямик:

– В Менске его видели. И на Немиге. И наши видели, и полочане. У Всеслава он был. Он ему весть принёс про то, что наши Менск сожгли, он и на Немиге в его рати стоял, и в жертву себя Перуну принёс в самом начале боя.

Коснячок закашлялся, захрипел, вытаращив глаза. Разного он мог ожидать от Бориса, но вот таких слов явно не ждал. Никто бы и не подумал на Горяя такого.

– А семья его что говорит? – справясь, наконец, с кашлем, просипел тысяцкий.

– Да сирота он был, – пожал плечами Борис, и вдруг поднял глаза просветлённо. – Вспомнил!

– Что ты вспомнил?

– Я его несколько раз тут в Киеве с *каликой* одним видел, – торопливо сказал Борис. – Как кличут того *калику*, не знаю, но вот живёт он где-то на Оболони, когда в Киев приходит.

– *Калика*, который ходит то туда, то сюда, – задумчиво пробормотал тысяцкий. – То он в Киеве, то в Чернигове, тот в Вышгороде, то в Переяславле... пожалуй, лучшей личины и не придумать, а, Борисе?

Борис понял с полуслова.

– А найди-ка ты мне, Борисе, того *калику*, – холодно процедил тысяцкий, сузив глаза. – Да и поспрошаем мы его... с душой поспрошаем.

– Здесь ли он сейчас? – засомневался Борис.

– Здесь он, Борисе, – засмеялся Коснячок недобро. – У нас же князь полоцкий в полоне, они сейчас обязательно к нему подобраться захотят, если тот *калика* – Всеславль подсыл. Здесь он, Борисе, обязательно здесь.

Киевский *вымол* кишел людьми. У самого помоста, сбитого из толстых брёвен, притёрлось несколько людей, туда Колюта и направился.

Никто издали (да и вблизи тоже!) не смог бы сказать, глядя на Колюту, что когда-то этот человек был воем и даже *гриднем*. Согбенная спина скрывала высокий рост, опущенные плечи не давали заметить могучие когда-то (да и сейчас не сильно ослабли!) мышцы. Серая небелёная рубаха до колен, залатанная там и сям по-мужски крупно, такие же посконные порты, кожаные

поришни, тоже там и сям защитые. Серая свита поверх рубахи, подпоясанная мочальной верёвкой, валяная шапка. И – полуседая борода в сочетании с длинными волосами.

Калика.

Около второй лодьи *калика* на мгновение задержался – рядом с брошенными на вымол сходнями сидели на корточках два холопа, в которых Колюта намётанным глазом вмиг признал кривичей. Бросив по сторонам беглый взгляд – не видно ли купца-хозяина – он шагнул ближе.

– Кривичи? – негромко спросил он.

– Ну? – угрюмо, не то отвергая, не то подтверждая, буркнул один, неприветливо глядя на калику. А с чего ему приветливо на киянина глядеть?

– Из Менска ли?

– Ну из Менска, – всё так же неприветливо подтвердил тот. Второй только зыркнул хмуро, но промолчал. Но Колюта не унимался:

– Так ваших ещё зимой всех побрали, пригнали и попродали. А ты о сию пору здесь?

– А меня воевода Коснячко сначала себе хотел оставить, – криво усмехнулся кривич.

Кривич. Криво.

– А потом?

– А потом передумал, – холоп усмехнулся ещё кривее. – Зубы мои ему не показались.

Остры больно.

– А ты... – Колюта на миг запнулся.

– Ну? – кривич поднял глаза.

– Не помнишь такого – Горяя-киянина?

Кривич несколько мгновений смотрел на Колюту всё с тем же равнодушием, потом покачал головой и отворотился. Но тут неожиданно подал голос второй.

– Я знаю такого, – этот смотрел и вовсе почти враждебно. Изрядно заросшая голова была когда-то брита, длинные усы смешивались с длинной щетиной на подбородке. Это вой. – Он твой сын?

– Нет, – калика покачал головой.

– Он погиб, – обронил вой, равнодушно отворачиваясь. И вдруг обернулся опять, сквозь равнодушие прорвалась нечеловеческая злоба, глаза засверкали. – Он шёл пешком через дебри, зимой, чтобы нам весть донести о зимнем походе. Он, киянин, Менск защищал от ваших князей, которые пришли как воры – зорить чужое княжество! Он на Немиге в жертву себя принёс, чтоб победу добыть! Понял, ты, киянин?!

Колюта несколько мгновений смотрел на кривича, и ему смерть как хотелось бросить в ответ что-нибудь глупо-напыщенное, вроде «Я знаю. Это я его послал». Задавив неуместное бахвальство, он вновь понурился, кивнул и шаркающими шагами двинулся прочь.

Калика миновал две лодьи и остановился около третьей, когда вдруг ощутил за спиной чьё-то присутствие и упорный взгляд – быстрый и скользкий, чтобы не привлечь внимания. Спина его аж вся напряглась, Колюта едва удержался, чтобы не выпрямиться.

Следил кто-то один. Кто? Впрочем, понятно кто – скорее всего, люди Коснячка. Ищут Горяя, кто-то вспомнил, что его не раз видели рядом с ним, Колютой. А тут ещё Колюта неосторожно принялся расспрашивать про того же Горяя на вымоле. И у кого? У холопов известного греческого иудея, Исаака Гектодромоса. Вовремя ты надумал из Киева уходить, Колюто, только чуть поздноовато.

Проворонил.

Рядом как раз собиралась отойти лодья, и хозяин её, плотный коренастый купец, бегал по кораблю от носа к корме и обратно, строжил корабельщиков и холопов. Вот-вот и чалки сбросят на берег. Нужно ли тебе что лучше, Колюто?!

Чутьё Колюты внезапно обострилось, он видел многое сразу. Но виду не подал, что заметил что-то, только взялся левой рукой за пояс, поближе к кожаной *калите*, раздёрнул коротким

движением шнурки. И тут же крутанулся на пятке, уходя в сторону и вырывая из калиты окатыш. Над ухом взвизгнул остро заточенный *оцел* брошенного кем-то ножа. Тот хмырь в толпе! Руки всё делали сами – окатыш с глухим стуком врезался хмырю в лоб, и хмырь повалился назад.

Расталкивая людей, по вымолу уже бежала стража – всего двое, но при топорах и стегачах (а у Колюты не было почти ничего!), народ сбегался со всех сторон, и *калика* огромным прыжком перемахнул с вымола на лодью, рванул из ножен длинный нож и приставил к горлу растерявшемуся купцу:

– Отходим! Живо!

Купец сглотнул и, косясь на широкое острожальное *лѣзо* ножа, махнул своим людям, замершим было с чалками в руках. Чалки отдались, течение мягко подхватило лодью и понесло кормой вперёд, но дружно ударили вёсла, и она рывком двинулась против течения.

Когда вымол остался позади на два перестрела, а над головой хлопнул, разворачиваясь, парус, тут же наполнивший ветром свои широкие, объёмистые пазухи, Колюта отпустил купца и убрал нож. И, глядя в испуганно расширенные глаза, сказал:

– Ты уж прости, добрый человек, что обидел, да только нельзя было мне в Киеве оставаться.

Сузив в бешенстве глаза, купец выразился. Потом ещё и ещё, с каждым разом всё крепче, срывая злость. Колюта его понимал – именно в такие вот мгновения непривычные к войне люди и седеют враз.

– Ну прости, говорю. Ну не мог я иначе, – сказал калика вдругорядь, оглядываясь – не видать ли челноков с погоней. Их не было – неизвестно почему, может, просто лодок не оказалось поблизости. Но, в любом случае, Киев удалялся прочь, и я вновь поворотился к купцу. – Ты не бойся, я заплачу за дорогу и за оружие больше хвататься не буду. И даже на вёслах посижу, если надо будет, грести я тоже умею, доводилось.

Купец ещё несколько мгновений разглядывал калику, потом, отходя, наконец, от гнева, кивнул:

– Ин ладно. Будь по твоему. Заплатит он! – запоздало вспыхнул он опять. – Дырами на своей рубахе заплатишь, небось?! На весло тебя посажу, будешь мне до самого Турова грести!

– А ты в Туров идёшь, господине? – смиренно спросил Колюта, низя взгляд.

– О! – купец опять пыхнул нерастраченным гневом. – Он даже не знает, куда я иду! Спросил бы хоть, прежде чем на борт бросаться! Да меня в Киеве всякий пёс знает, я торгую от Турова до Белой Вежи!

– Ну так то пёс ведь, а я ж не пёс, – пробормотал Колюта себе под нос, но так, чтобы и купцу было слышно. Тот вновь запыхтел, готовясь ругаться, но Колюта опередил. – Дозволь на весло сесть, хозяин?

– Ступай! И чтоб до Турова на глаза мне не попадался!

2

В месяц *зарев* жара отступает, лето становится мягким, и тёплые ровные ветра гудят в вышине, играют листвой дубов и берёз на киевских горах. А в низине, у воды, там, где с Киевской горы сбегает к Днепру и Подолу дома Боричева взвоза – тишь, только вода в Днепре морщится от лёгкого ветерка.

Мальчишки остановились у самой воды, огляделись по сторонам.

– В самый раз будет, – обронил старший. – И глубина добрая, и течение тихое, и не видит никто.

И в самом деле, выбранное ребятами место было укромным – от берега его отгораживали густые заросли ивняка, через которые они и сами едва пролезли, а от Горы, с которой далеко видно, – густой сосняк на окраине Подола.

Младший сбросил с плеча котомку из посконины, потянулся, повёл плечами:

– И чего на рыбалку всегда надо вставать в такую рань, а, Сушко?

Старший походя отвесил ему лёгкий подзатыльник:

– Потому что на утренней зорьке всегда самый лучший клёв, бестолочь.

Младший увернулся и пробурчал себе под нос:

– Вымахал, орясина.

Сушко беззлобно усмехнулся в ответ, разматывая с гребешка конский волос:

– Ладно, не ворчи. Доставай крючки, рыба ждать не будет.

– Пожди, – младший полез в кусты, что-то невнятно бурча под нос.

– Чего пожди-то? – не понял Сушко. – Ты куда? По нужде что ль? Торля?!

Торля промолчал. Сушко покосился в его сторону – младший брат стоял в ивняке столбом, словно змею увидел, потом оборотился (а лицо – бледное!) и молча позвал старшего одним движением руки.

– Ну чего там? – Сушко раздвинул кусты и тоже замер, словно прикованный к месту.

Человек лежал в воде у самого берега вниз лицом – видно, вползти в кусты у него сил ещё хватило, а вот на берег выбраться – уже нет. Вода полоскала крашеную буро-зелёным плауном рубаху и тёмно-серые штаны, трепала длинный чёрный с заметной проседью чупрун на когда-то бритой, а теперь поросшей коротким волосом голове.

– Эва, – шёпотом сказал Торля и кивнул на чупрун. – Вой, никак. А то и гридень, а, Сушко?

– Помалкивай, – оборвал старший, и младший обиженно смолк – трудно в десять лет спорить со старшим братом, которому уже четырнадцать. Хотя и очень хочется.

Сушко шагнул к лежащему, присел рядом, опасливо прикоснулся кончиками пальцев к плечу и тут же отдернул руку.

– Ну что? Живой он, нет? – Торля вмиг оказался рядом – отстать от старшего брата в таком страшном и интересном деле – позорище.

– Да не пойму пока, – Сушко помолчал, кусая губу, потом сказал решительно. – Давай-ка его перевернём.

– Страшно, Сушко, – сказал Торля почему-то шёпотом, но старший брат тут же отверг:

– Нечего бояться. Даже если и топляк, то свеженький, встать не успел ещё.

Вдвоём дружно ухватили воя за плечи, рывком перевернули на спину. И тут же отпрянули – изо рта послышался сдавленный хрип, тут же перешедший в слабый стон.

– Живой, – прошептал Торля.

Братья переглянулись и вновь уставились на свою находку. Рыбалка была забыта вмиг.

– Что делать будем, а, Сушко? – Торля поднял на старшего брата испуганные глаза.

Тот в ответ только головой мотнул – нишкни, мол! Смотрел на лежащего, не отрывая глаз и покусывая нижнюю губу. Думал.

Вой. Вестимо, вой – длинные усы на верхней губе, короткая щетина на нижней челюсти – давно, видно, бриться не доводилось вою. Лет под сорок, крепкий. Вышивка на праздничной рубашке, порванной в двух местах.

Не порванной, порубленной! – тут же поправил себя Торля и поёжился.

Вой был ранен. И не один раз.

Из прорех в одежде слабо сочилась кровь. И то добро! Кровь идёт, стало быть, есть надежда, что выживет! – вспомнил Сушко слышанное от бывалых людей.

Что же с ним делать?

– Надо на Гору бежать, рассказать, – предложил Торля, заглядывая Сушко в лицо. – Пусть людей за ним пришлют! Вой же! А, Сушко?

Но старший брат не спешил. Скрестив ноги, он сел рядом с раненым и задумался. На нетерпеливые же вопросы Торли не отвечал. Младший тоже принялся разглядывать раненого и только тут заметил то, что надо было бы ему увидеть сразу – что вышивка у воя на рубашке – отнюдь не киевская, не полянская.

На его слова Сушко только качнул головой:

– Ну и что? Думаешь, у великого князя одни только поляне да русь в дружине, что ль?

И то верно. Изяслав Ярославич прежде киевского престола и в Турове княжил, и в Новгороде, а к великому князю в дружину кто только не идёт.

– Да и в Киев сам кто только не едет, – подтвердил Сушко. – Вон мы с тобой вятичи, как и батя наш.

Сушко же потянулся к вороту рубашки раненого, туда, где завязки были распущены, и виднелось серебро. Распустил ворот.

Креста не было.

На серебряной цепочке висел волчий клык, обвязанный по верхнему краю волчьей же шерстью.

– Это тоже ничего не значит, – Торля покусал губу и покосился на старшего брата – страшно хотелось сказать хоть что-нибудь умное. – Небось, у великого князя в дружине...

Сушко раздражённо оборвал:

– Покинь! Был бы дружинный, его бы уже искали! Не видишь разве, – он уже несколько дней как ранен.

И правда! Торля смолк и снова поглядел на раненого – удивлённо и со вновь пробудившимся страхом.

В этот миг раненый шевельнулся, и Сушко тут же отдернул руку от его груди. Вой открыл глаза, мутно глянул на мальчишек, пробормотал что-то неразборчивое (мальчишки разобрали только «княже», «бежать», «боярин», «княгиня ждёт» и «Полота») и снова закрыл глаза и обмяк. Братья вновь переглянулись, подумав об одном и том же.

О полоцком князе, заключённом в Берестове, невдали отсюда.

– Полота! – Торля затеребил старшего брата. – Ты слышал, он сказал – Полота! Может, это сам Всеслав?!

– Да слышал, слышал, – огрызнулся Сушко, думая о чём-то своём. – Нет, не похож...

– А то ты Всеслава видел, – съязвил Торля.

– А то как же, – усмехнулся старший брат. – Видел. Когда наши вместе с черниговцами, переяславцами да полочанами в степь ходили, торков гонять.

– Но он сказал – Полота...

– Ну сказал, – Сушко задумчиво кивнул. – Полочанин он, кривич, и по выговору слышно.

– Ну так надо... – и Торля вдруг замолк, сам не понимая, что именно ему «надо».

– Что – надо? – неласково глянул Сушко. – Полочанина выдать великому князю? Раненого – его врагам? Кривича – христианам?

– Но что же делать-то? – в отчаянии спросил Торля.

– Помолчать и подумать! – отрезал старший брат. – Или хотя бы не мешать думать мне, понял?!

Торля умолк. Ждал, что скажет старший брат – в любых трудных случаях он привык слушаться Сушко.

– Придумал, – сказал вдруг Сушко, и Торля так весь и подобрался. – Пойдёшь за Глубочицу, к Туровой божнице, к владыке Домагостю, расскажешь ему всё. А там уж он пусть сам решает, что делать. Понял ли?

– А... ты?

– А я здесь посижу, постерегу.

К волхву!

– Страшновато, – Торля поёжился, представив, как это – подойти к *волхву*, пусть даже и по делу. А ну как не в духе будет альбо ещё что... заморозит, превратит в крысу... – Может, вместе, а, Сушко?

– Нельзя вместе, – Сушко мотнул головой – он не ведал никаких сомнений. – Один должен тут остаться, неровён час, наткнётся на него кто. Ну хочешь, ты останься, а я к божнице побегу.

– Ещё чего! – оставаться наедине с раненым полочанином было ещё страшнее, чем пойти к *волхву* на Турову божницу. – Я... я пойду, Сушко!

– Вот и хорошо, – старший брат даже не усмехнулся, чего втайне побаивался младший. – Беги быстрее!

Святылище на Подоле, меж Глубочицей и Юрковицей ещё со времён первых киевских князей прозвали Туровой божницей. И бежать туда Торле было не близко – без малого три версты.

Паче того, братья Казатуловичи жили на Боричевом взвозе, а идти было за Нижний вал почти к самой Оболини – там когда-то князь то ли Дир, то ли Тур, поставил святылище, которое ныне и звали Туровой Божницей. А мальчишки с Нижнего вала враждовали с мальчишками Боричева взвоза. И то, что он, Торля, сейчас идёт по делу (по важному делу! взрослому!) вовсе не избавляло его от необходимости глядеть в оба.

Попался он, как и следовало ожидать, быстро, у самой Глубочицы. Встречный мальчишка (ещё младше него, лет шесть – семь, должно быть) прошёл мимо, словно ни в чём не бывало, но Торля мгновенно понял – всё, влип! Потому что звали того мальчишку Путшей, и был он младшим братом вожака нижевальских ребят, Зубца. Путша прошёл мимо, не моргнув и глазом, но когда Торля через несколько шагов оборотился, то увидел, как Путша смотрит ему в спину со злорадной улыбкой, от уха до уха. А когда оборотился вторично, ещё через несколько шагов, Путши уже не было. Небось, помчался своих созывать.

Хуже всего было то, что он, Торля, плохо знал эту путаницу домов, переулков, садов и репищ – бывал-то здесь всего пару раз с отцом.

На миг в душе возникло непреодолимое желание бросить всё, побежать обратно к Печерам и сказать брату: «Давай поменяемся, я тут с раненым посижу, а ты иди к волхву». Торля ясно представил, как брат, дослушав его, только вздохнёт, дёрнет щекой, скажет своё любимое «Мда...» и добавит снисходительно: «Ладно, сиди тут, я сейчас сам схожу». И таким враз стыдом облило, что Торля вмиг подавил второе неуёмное желание – броситься бегом, так, чтобы никакие нижевальские не догнали.

И пошёл спокойным шагом, хотя в глубине души родилась противная мелкая дрожь.

Когда он оборотился через несколько шагов, за ним уже шли двое – Путша и ещё один такой же мелкий, незнакомый.

А ещё через несколько шагов – уже четверо.

Началось.

Он изо всех сил заставил себя не ускорить шаг.

А ещё через несколько шагов из-за угла навстречь ему вышли ещё двое. Стали посреди улицы. Ждали.

Торля остановился, не доходя до них с сажень. Оборотился – той мелкоты позади уже не было, шли двое его ровесников.

Четверо на одного.

Несколько мгновений они молча глядели друг на друга, наконец, тот из передних, что повыше (Зубец, – узнал Торля, – сам!), сплюнул себе под ноги и сказал лениво:

– Вы только посмотрите, кого к нам принесло... чего здесь забыл, Боричевский?

– По делу иду, – изо всех сил стараясь не сорваться на писк (проклятый голос в последнее время взял привычку ломаться вовремя и не вовремя) ответил Торля. Показалось ему или у него и впрямь получилось почти не дрогнуть? – К Туровой божнице.

Все четверо захохотали.

– Боярин, – протянул стоявший рядом с Зубцом. – Жертву, небось, несёт *волхву*.

– Не туда ты зашёл, Торля, – сказал Зубец. Торля про себя изумился – Зубец, этот отчаяга, которым сквозь зубы восхищались почти все мальчишки Боричева взвоза, оторвиголова, в одиночку однажды отбившийся от четверых войских отроков с Горы, помнит, как его зовут, надо же. – По другой улице надо было идти к божнице-то. Вон погляди.

Островекий тын, из-за которого торчали макушки капей, и впрямь виднелся в полусотне сажень на другой улице – его хоть и плохо, а было видно через заплоты и плетни.

Совсем рядом.

– Четверо на одного, да?

– Не, – весело отверг Зубец, ковыряя в зубах щепочкой. – Четверо – это чтобы ты не сбегал. А тебе и одного достанет. А кого – мы по жребию решим.

Ну побьют, – Торля закусил губу. – Не убьют же. Потерплю. Но вот раненый кривич... доживёт ли?

– Вы бы меня пропустили, а? – безнадежно спросил он. – А я бы потом из божницы к вам сам вышел. Вот честное слово.

Снова хохот четырёх глоток:

– Ну отчебучил!

– Держи *калиту* шире...

– Ссыкун!

Торля в отчаянии огляделся по сторонам. И мгновенно вспыхнул надеждой.

Из ближней калитки, как раз с нужной стороны, кто-то выходил. Вятич рванулся так, что засвистело в ушах. Мальчишки, вмиг поняв, бросились к нему, но опоздали. Торля, даже не глядя, кто попался навстречь, сбил с ног выходящего со двора человека, вихрем промчался мимо цепного пса (тот на миг оторопел от такой наглости, но потом, ощеряясь, ринулся на остальных мальчишек), сиганул через плетень на репище и помчался напрямик, топча ботву репы, огуречные плети и жёсткие перья лука.

Прыгнул через второй плетень, оказавшись смежной улице, метнулся по ней и вылетел на широкую площадь прямо напротив ворот Туровой божницы. И вбежал в ворота прямо на глазах у нижевальских мальчишек, выскочивших следом за ним из улочки.

– Ловок, – протянул Зубец, зажимая ладонью порванные псиными зубами штаны и утирая нос запястьем. – Ладно, мы подождём.

Ждали, сидя на траве под раскидистой липой.

Торля вышел обратно через невеликое время – достало бы матери любого из ждущих мальчишек, чтобы перемотать спрядённую нитку с веретена на клубок. Вышел, и сразу увидел их. Постоял несколько мгновений, глядя как мальчишки неспешно встают с травы, отряхивая штаны – спешить им было некуда, бежать ему было некуда, тем паче, что нижевальских за это время прибыло – вместо четверых стало семеро. И злости у них – прибыло.

А он – постоял и зашагал прямо к ним. И твёрдо шёл, так, что мальчишки залюбовались. И каждый спросил себя – а ты бы смог вот так? Подошёл вплоть и сказал, криво улыбаясь, словно пересиливая в себе что-то:

– Ну вот... я же обещал, что выйду.

Несколько времени они смотрели друг на друга, потом Зубец вдруг рассмеялся и протянул Торле руку:

– А ты храбёр! – сказал он одобрительно. – Не зассал! Ладно! Живи! Коль шайка на шайку – не обижайся, а одного больше не тронем! Все слышали, что я сказал?!

Ошалевшие от такого поворота нижевальские вразнобой подтвердили – слышали, мол!

3

Витко Бренич спрыгнул с седла на боярском дворе, и слегка дрогнул в душе, глядя на высокое резное крыльцо двухъярусного терема, широкого раскинувшего пристройки. Воя пробирала холодная дрожь – сватовство впервой, вот и дрожишь, как осиновый лист.

Рыжий Несмеян с лёгкой усмешкой подтолкнул друга локтем в бок. Витко в ответ задорно сверкнул глазами и шагнул было к крыльцу, да только Несмеян опередил – негоже жениху вперёд свата в терем к хозяину входить.

Дверь распахнулась, из сеней сваты весело прошли в горницу. Путислав Гордятич, отец Божены ждал их, сидя за столом, и тут в душу Витко невольно стало закрадываться ощущение нехорошести происходящего. Одет боярин был вовсе не по-праздничному, а это говорило о многом. Оно, конечно, обычай не дозволяет хозяину прежде времени показывать, что он знает, ЗАЧЕМ пришли к нему эти гости, да только ведь ведаёт же всё равно – Божена должна была просветить.

Да и угощений на столе негусто – квас в ендове, каша, яблоки да медовое печиво. Ох, нежеланные мы тут гости, – понял Витко мгновенно, – не зря я Божке говорил, что отец её за меня нипочём не отдаст. И это-то угощенье боярин выставил на столе только потому, что обычай не велел иначе. Поняв всё это, Витко с порога едва не повернул обратно.

– Присаживайтесь, гости дорогие, – прогудел, меж тем, боярин, и голос его тоже не обещал ничего доброго. Но сваты, ничуть не смущаясь, присели к столу – первым Несмеяна, потом Витко. – Да говорите, с чем пожаловали.

– А пожаловали мы к тебе, Путислав Гордятич с делом важным да дорогим, – ничуть не смущаясь, начал Несмеян. – Проезжал мимо нашего двора недавно один купец, да говорил, что есть у тебя, господине, дорогой товар, какой не везде и не всегда найдёшь. А у меня вот и купец на тот товар есть.

– Может, и есть такой товар, не ведаю, дорогие гости. Мало ли чего в бертьянице боярской найдётся.

Боярин ответил так, как велит обычай, и Витко несколько воспрянул духом – может, всё ещё не так страшно, как ему кажется, и упростила Божена батюшку смилостивиться над ней. А всё то, что он заметил – от обычной спеси да нелюдимости Путислава.

– А проезжал мимо моего двора другой купец, и говорил, что есть у тебя, Путислав Гордятич, на дворе диковинный зверь – не то черно-бурая лисица, не то рыжая куница, а вот охотника пока на неё не сыскалось. Так есть у меня на неё охотник.

– Верно, верно говорили купцы, – паки прогудел боярин, буравя кметя глазами. – Уж не ты ль тот охотник, Несмеяне?

– Да нет, боярин, я только говорю от него, – засмеялся Несмеян. – Сам-то он от любви язык потерял. Есть у меня, Путислав Гордятич, и купец на твой товар, и охотник на твоего зверя, да вот только не ведаёт, приглянётся ли тебе. Вот за меня и хоронится.

Несмеян лёгким толчком в плечо указал на Витко. Вой встал и поклонился Путиславу, всё так же не произнося ни слова.

– Вот он – и охотник, и купец, и вой, и жнец, и на дуде игрец. Он и будет тебе зятем верным, опорой в старости. Люб ли тебе жених, господине?

Боярин молчал, и Витко снова начал бледнеть. Как выяснилось – не зря.

– Вот что, гости дорогие, – сказал, наконец, Путислав Гордятич. – Ешьте-пейте, да дорогу обратную знайте. Дочка у меня одна и за Витко... – он помедлил, вспоминая отчество Витко (всё-таки соблюдал обрядность старый боярин), – Витко Бренича я её не отдам. Есть

у меня дорогой товар, да твоему, Несмеяна, купцу, он не по пенязям. Есть у меня и редкий диковинный зверь, да только твой охотник ещё снасть охотничью на него не обрёл.

И не выдержал-таки, боярин сорвался:

– А коль ещё раз явитесь – псов спушу! – рыкнул он так, что и Витко, и Несмеян невольно попятнулись к двери.

Уже на улице Несмеян невольно засмеялся.

– Ну и ну, – покрутил он головой. – Не выдержал-таки боярин!

– Смейся – не смейся, а дело плохо, – урюмо сказал Витко. – С самого начала я того ждал.

– А что, коль с Боженой переговорить?

– Да нет её в городе, – с досадой сказал Витко. – Я с одним холопом знакомым успел парой слов перекинуться. Боярин её ночью обратно в загородный дом отправил.

– И что делать хочешь? – Несмеян озадаченно почесал в затылке.

– Думать.

Всадники тёмными бесшумными громадами плыли сквозь вечерние сумерки. Два всадника и четыре поводных коня. Остановились на опушке леса.

– Что, прибыли? – Несмеян оглянулся на Витко, – в сумерках его лицо белело, словно серебряная монета.

– Прибыли, – Витко смотрел сквозь переплетение ветвей на высшуюся на холме громаду усадьбы. – Вот оно, его логово.

Рубленные клетки с крытыми заборолами, четыре вежи по углам и четырёхъярусный терем в середине. Кое-где светились окна. Богато, князьям впору, жил боярин Путислав Гордятич, несостоявшийся тесть Витко, витебский тысяцкий. Пока несостоявшийся, – поправил себя Витко.

– Которое её окно?

Витко молча кивнул на крайнее левое на втором ярусе.

– Вперёд?

– Вперёд.

Луна пряталась за тучами, да и выгляни она, её новорожденный серпик дал бы слишком мало света для того, чтобы углядеть из усадьбы на опушке леса двоих.

Коней оставили на опушке, в перестреле от усадьбы. К городне шли пешком. Вскарabкались по склону холма, стараясь ступать бесшумно. Вои на стене услышат – верная смерть. И не спросят, – кто, мол, там да почто. Добро хоть, собаки на этой стене нет. Или есть?

Витко нацелился, забросил осил. Конёк кровли над забором не скрипнул под тяжестью его тела. Добротню рубили стены для боярина Ратибора, Путиславля деда.

Лезли наверх, цепляясь за узлы. Молились в душе. Окно стрельни страшиновато чернело в забороле. Витко задержался около. Изнутри не доносилось ни звука – излиха надеялся боярин на сторожу на вежах. Да и откуда ему набрать людей для сторожи на заборолах, не князь ведь всё ж таки. Боярская дружина редко достигает числом до сотни воев.

Через эту же стрельню пролезли внутрь. Под низкой кровлей было темно. Бесшумно ступая босыми ногами, Витко и Несмеян проскользнули по лестнице во двор замка, крались через двор к стене терема. Челядь спала – ей не было никакого дела до пришельцев, которые готовились украсть у Путислава Гордятича самое ценное его достояние.

Окно Божены было не так уж и высоко – с гульбища досягнуть. А вскарabкаться на кровлю гульбища для того, кто только что по верёвке взобрался на забороло крепостной стены – раз плюнуть.

Витко шёл по кровле гульбища, едва касаясь руками могучих брёвен стены терема. Вот и окно – волоковое, но широкое, можно и пролезть. Витко глянул в щель между стеной и став-

нем, да только что в темноте увидишь. А, будь, что будет! Легонько стукнул в ставень ногтем. Ещё раз.

Изнутри послышались лёгкие и быстрые шаги.

– Кто там? – в девичьем голосе слышалось недоумение.

– Божена, отвори.

Изнутри послышалось аханье, и ставень, скрипнув, быстро сдвинулся в сторону. Девичьи руки обхватили Витко за шею.

– Витко!

– Витко, Витко, – усмехнулся Несмеян, появляясь рядом с другом. – Здравствуй, Божка.

– Здравствуй, Несмеяне, – белозубо улыбнулась она, овладев собой. – Вам чего надо, добры молодцы, под окном у красной девицы?

– Тебя надо, – хмыкнул Витко весело. – Я позавчера к отцу твоему сватать тебя приезжал. Он говорил про то?

– Говорил, – Божена вздохнула.

– А чем дело кончилось, тоже говорил?

– Говорил, – в голосе Божены прорезались грустинки.

– Так вот чего скажешь, слушай, Божена, – Витко сжал зубы. – Согласна за меня идти?

– Знаешь ведь.

– А без отцова благословенья? Увозом? – Витко холодно прищурился.

Божена, закусив губу, потупил глаза и чуть отступила. Потом решительно махнула рукой:

– Ладно! С батюшкой, бог даст, после помиримся. Когда?

– Сейчас!

– Ладно, – вздохнула девушка. И почти тут же с крайней вежи послышался заполошный крик:

– Воры! К мечу!

Похоже, кто-то из стражников заметил-таки на серой кровле двух человек. Забыли про осторожность Витко и Несмеян!

На крик мгновенно отозвалось не менее десятка голосов, послышался топот, а во дворе показались люди с жаграми. Несмеян, сообразил вмиг:

– Внутрь!

Божена отпрянула. Несмеян сиганул внутрь (толсты были брёвна в Путиславлем терему, а потому и окна волоковые широки!), и в этот миг из темноты, с вежи прилетела стрела. Витко на лету перешиб её мечом, Несмеян оборотил к нему бледное, как смерть, лицо, – стрела летела именно в него.

– Скорее!

Витко тоже прыгнул в окно, Божена быстро задвинула за ним ставень. Вторая стрела с треском расщепила доску, высунув внутрь хищное жало.

– Твою мать! – процедил Несмеян, бросаясь к двери.

– Почему – внутрь?! – Витко тоже подскочил к двери, бросив Божене ободряющий взгляд, – она сейчас беспомощно и бестолково переводила взгляд с одного на другого. – Почему – не во двор?

– Там сейчас светло, как на вершине Прадуба, – процедил Несмеян. – И не протолкнётся, как на киевском торгу.

– А здесь что? Запереться и сидеть, доколе не надоест?

– Не надо сидеть! – Божена, очнувшись, тоже подскочила к двери. – Бежим в терем, там есть потайной ход! Пока все снаружи!

Они едва успели. Дверь потайного хода захлопнулась прямо перед лицами удивлённых боярских холопов, которые всю жизнь почитали эту дверь не ходом, а поставцом с посудой. Несмеян задвинул тяжёлый дубовый засов. Ранее, чем через час дверь не вынесут.

Пока в усадьбе сообразили, что к чему и снарядили погоню поверху, Витко, Божена и Несмеян уже мчались о-дву-конь к Полоцку. Да и погоня-то была бестолковой – кроме боярина, никто не знал, куда выходит ход, а его самого, как на грех, в усадьбе не оказалось.

А через седмицу именно Несмеян ездил к боярину Путиславу в ту же самую усадьбу – с выкупом за невесту и мириться.

Во дворе замка Несмеяна мгновенно окружили боярские вои.

– Он? – напрягая кулаки, спросил один из них.

– Не он, – решительно отверг второй.

– Он, он! – весело утвердил третий. – Я в него и стрелял тогда.

– А может, ему хоть теперь челюсть на сторону свернуть, раз тогда не вышло? – полюбопытствовал четвёртый.

– Охолонь, – лениво сказал кто-то с крыльца. – После драки кулаками не машут.

Несмеян молча равнодушно глядел вверх голов, хотя чего это ему стоило – знал только он. Внутри всё дрожало. Как выйдет сейчас на крыльцо Путислав Гордятич, да махнёт раз-решающе рукой... И затопчут вои насмерть Несмеяна. Хотя и знал – он княж вой, и закон боярину своевольничать запрещает. Но закон – что дышло, вестимо...

И тогда, и после не мог понять Несмеян – чем не по нраву был в зятях Путиславу Витко – сын воеводы Бреня, товарищ по учёбе самого князя Всеслава Брячиславича. Не мала честь для витебского тысяцкого. Разве что уже была сговорена Божена за кого вроде гридня самого великого князя киевского – про то ни у Витко, ни у неё самой Несмеян не спрашивал.

Боярин вышел. Свирепо глянул на Несмеяна, спесиво задирая бороду.

Несмеян выложил на крыльцо перед боярином отрезанную девичью косу Божены:

– Божена Путиславна и Витко Бренич прощенья просят и в гости зовут.

Боярин помолчал и, наконец, изронил через силу:

– Ладно. Пусть моя дочь за приданым приезжает. Но дружка твоего чтоб в моём доме не бывало. А твоей – тем паче.

Повёл бровью боярин. Вой, тот, что говорил про кулаки после драки, вмиг поняв, поднял со ступеней косу и подал Путиславу в руки. Не сказав больше ни слова, повернулся боярин и, грозно сопя, ушёл в покои.

И тут только позволил себе Несмеян усмехнуться.

4

– Да, – сказал рыжий гридень Несмеян, наливая мёд в чаши и незаметно усмехаясь тому, что было в его молодости. – Так всё и было.

– Да, – эхом повторила Божена, неотрывно глядя на текущий из жбана в чаши мёд. – Так всё и было.

Несмеян покосился на жену – Купава молча и едва заметно улыбалась. Встала из-за стола, принесла от печи тяжёлую глиняную сковороду, в которой шкварчала яичница с грудинкой, поддела её ложкой и разложила по глубоким мискам – себе, мужу и Божене. Окинула взглядом стол – всего ли в достатке. Свежие, недавно с грядки, огурцы, зелёный лук с каплями воды на перьях и белой головой, которая так и просилась с хрустом откусить, сладкое медовое печиво на плетёном блюде, горка печёной репы на другом, ветряная рыба из Двины и моря, квасной запах из одного жбана и медовый – из другого. Удовлетворённо кивнула и вновь присела за стол.

Божена же, меж тем, снова подняла голову и посмотрела на Несмеяна. Он потупился.

– Так получилось, Божено... – сказал он через силу. – Да... он – там, а я – здесь. Он попал в полон, а я – бежал. Так было надо...

– Перестань, – тихо сказала Божена, ковыряя ложкой густой гороховый кисель, и Несмеян мгновенно умолк, словно ему запечатали рот. – Перестань, Несмеяне. Не надо оправдываться. Нет на тебе вины. Я всё понимаю... войские дела... княжий приказ.

Купава положила руку ей на плечо, мягко сжала.

– Может, и жив ещё, – сказала она тихо.

– Может, и жив, – вновь эхом отозвалась Божена.

– Должен быть жив! – твёрдо заявил *гридень*, пристукнув кулаком по столу, так, что вышитая скатерть чуть сдвинулась и сморщилась на столе, колыхнув посуду и мёд в чашах. – Его в полон взяли, а не убили! Найдём!..

– Да как найдёшь? – слабо возразила Божена. – Где? Кто найдёт?

– Я найду! – для Несмеяна в этот миг не было трудностей. – В Киев поеду, а коль надо – и в Царьград!

Божена потупилась, пряча благодарные слёзы, а Несмеян в этот миг и впрямь верил, что сможет найти друга и побратима хоть за тридевять земель. В конце-то концов, будет же княгиня Бранемира с воеводами Бронибором и Бренем хоть что-то делать для того, чтобы спасти князя или хоть облегчить его судьбу, тогда можно будет и о судьбе побратима вызнать – он всё ж таки не кто-нибудь, а сын воеводы Брени и воспитывался вместе с князем Всеславом Брячиславичем.

Чаша они подняли разом, глотнувпряного мёда:

– Да будет так!

Простились у ворот, и Несмеян долго смотрел вслед уходящим женщинам – жена друга была с холопкой ради всякого дорожного приключения. Потом, когда они скрылись из глаз, *гридень* затворил ворота, несколько мгновений бессмысленно потыкался по двору туда и сюда, словно не зная, за что взяться (а за что и браться-то было? – вечер на дворе, того и гляди стемнеет), шагнул к крыльцу. И в этот самый миг в калитку постучали.

Постучали сильно, властно, словно имели право войти и без стука.

Несмеян несколько мгновений стоял у крыльца, замерев, и глядел на ворота, словно не мог понять, что происходит. Потом медленно двинулся к воротам.

Калитка отворилась сама, не дожидаясь, пока он дойдёт. Без скрипа отошло в сторону воротное полотно – в проёме калитки, опираясь плечом о *верёю*, стоял человек.

Мужчина.

При встрече взгляд невольно первым делом цепляется за одежду, за внешний вид – не зря в народе говорят, что встречают по одежке. Того, кто пришёл к Несмеяну сегодня, по этой народной мудрости следовало бы выгнать взашей. Он был одет в лохмотья, такие, что и глазу стыдно было остановиться – посконина, дыра на дыре, никакой вышивки альбо оберегов, опричь деревянных да костяных. Густая клочкастая борода, лохматая седая грива волос. И даже *порини* на ногах – рваные, зашитые на скорую руку суровой смоляной дратвой.

Несмеян на мгновение замер, разглядывая пришедшего прибуду, а в следующий мигу узнал его (хоть и видел всего раз в жизни, и тот раз был целых четыре года тому), и, улыбаясь, шагнул навстречу.

Но его приветственный возглас пропал сам собой, едва пришедший калика качнул головой, словно останавливая Несмеяна, шагнул сквозь воротный проём и затворил калитку за собой. А потом усмехнулся:

– А вот теперь – здравствуй, Несмеяне!

– И ты здравствуй... – *гридень* на миг замешкался, но память поспешно подсунула на язык назвище, – здравствуй, Колюто.

– Ты очень правильно сделал, что сначала пришёл ко мне, а не куда-либо ещё, – убеждённо сказал Несмеян, отпивая пиво из чаши. – А уж соваться в княжий терем и вовсе было бы непроходимой глупостью с твоей стороны.

Они сидели в терему Несмеяна, только теперь вместо Божены за столом был Колюта, а Купава ушла во двор – ни к чему женщине вникать в мужские дела, не женское дело – война и государские дела. И чем меньше ты, женщина, знаешь об этих делах, тем лучше для тебя. Да и для дел этих – тако же.

– Не понимаю, – мотнул головой Колюта, разомлевший от тепла, сытости и медовой чаши. – Что изменилось? Разве княгиня против нашего дела?

– Княгиня Бранемира – женщина, – глубокомысленно сказал Несмеян. Помолчал мгновение, словно оценивая то, что сказал, весело фыркнул и продолжил. – И как всякая женщина, она ненавидит войну, которая может отнять у неё мужчину, детей, дом... Но она – знатная женщина! И понимает, что от одной ненависти к войне сама война никуда не денется, и от того, что она сядет в углу, зажмурится, заткнёт уши и будет говорить – я не хочу, чтобы была война... от этого война не исчезнет.

Колюта кивнул, по-прежнему ничего не понимая.

– Поэтому княгине Бранемире Глебовне некуда деваться, опричь того, чтобы помогать нам, – заключил Несмеян с кривой усмешкой. – Только мы, вои, гридни и бояре кривской земли, можем воротить ей её мужа, можем воротить князя на полоцкий престол.

– Но тогда почему? – спросил сбитый с толку Колюта.

– А почему ты не пошёл сразу на княжий двор? – внезапно спросил Несмеян.

– Ну... – озадаченно протянул калика, который, похоже, и сам толком не понимал, что именно толкнуло его прийти сначала к Несмеяну. – Не мог же я в лохмотьях – да на княжий двор...

– Ну да, – поддержал его Несмеян насмешливо. Тряхнул рыжим чупруном, отбрасывая его за ухо. – Как же... ещё что придумаешь? Ну ладно, положим, ты опасался, что на княжем дворе тебя не узнают. А к воеводе Бреню почему не пошёл? Он-то тебя опознал бы? К Бронибору-тысяцкому, в конце концов?

Колюта вновь мотнул головой – метнулась сивая, годами не стриженная грива, которой позавидовал бы любой конь.

– Ладно, – скривил он губы. – Считай, что чутьё мне помешало.

– Вот это уже правильный ответ, – Несмеян вновь наполнил чаши. И заговорил, глядя на Колюту остановившимся взглядом. – Когда Ярославичи схватили князя в Орше... нам пришлось сражаться за Витебск. Нельзя сказать, что там было большое кровопролитие... в конце концов, княгиня Бранемира договорилась о мире с князем Мстиславом, пришлось даже уступить ему обратно Новгород. И пришлось согласиться на то, чтобы у нас в Полоцке сидел соглядатай от Мстислава. С дружиной.

Колюта вытянул губы трубочкой, словно собирался присвистнуть и в последний миг передумал.

– Ни хрена себе, – процедил он, наконец.

– Вот так, – кивнул Несмеян. – И потому нельзя было тебе идти сразу на княжий двор – этот чужак живёт там же, и сразу бы тебя увидел и наверняка догадался бы, кто ты такой. Потому как дураком его вовсе не назовёшь...

– Кто он такой? – Колюта напрягся, словно перед прыжком.

– Ратибор Тужирич, плесковский боярин, – Несмеян поморщился. – Он на Черёхе против нас бился, ему давно место тысяцкого в Плескове блазнит, а нынешний тысяцкий Найдён Смолятич на нашей стороне. Да ещё и сына у Ратибора наши убили. Так что его на нашу сторону не переманить, и Мстислав Изяславич про то знает, потому именно его сюда и прислал.

– И что, он за месяц успел везде своих людей поставить? – Колюта поднял брови.

– Да нет, конечно, – Несмеян снова долил в чаши пива. – Ты вот что. Оставайся у меня. Завтра в город воротится от шелонян воевода Брень, и тогда я сразу его позову сюда. Тут *ратиборичи* нас не выследят. Княгине я тоже про тебя завтра расскажу, но к ней на двор соваться так и так нельзя, а самой ей сюда приезжать тоже не к лицу. Всё одно через Бреня Военежича решать доведётся.

– Добро, – подумав, согласился Колюта. – Я и сам бы лучше не придумал.

Несмеян несколько мгновений помолчал, потом спросил в лоб:

– Ну как там наш Брячиславич? Что слышно по Киеву?

– Да мало что слышно... – с неохотой ответил Колюта и залпом выщедил пиво из чаши. – В Берестове его держат, в терему полоцких князей, под стражей. По-княжески содержат, а только его мало не сотня воев сторожит. Княжичей увёз к себе Святослав, они у него в Чернигове, тоже почти без утеснения, только под стражей. В его же терему живут.

– Черниговский князь – витязь, – с уважением сказал Несмеян, приподымая в руке жбан. Покачал им в воздухе, прислушиваясь, одобрительно кивнул (пива в жбане было ещё достаточно) и вновь наполнил чаши. – Однако и он нарушил слово.

– В Киеве говорят, что он не знал про клятвопреступление, – сумрачно возразил Колюта. – Всё замыслили Изяслав с Всеволодом.

– Ладно, там разберёмся, – гридень махнул рукой. – До всех черёд дойдёт. А что остальные, кого с Всеславом Брячиславичем взяли?

– Боярин Бермята тоже под стражей живёт, на дворе у тысяцкого Коснячка, – вспомнил Колюта. – Больше ни про кого не слышал...

– С ними вместе в полон попал ещё гридень Витко, сын воеводы Бреня, – встревоженно напомнил Несмеян, чуть приподымаясь на лавке. – Неужто про него ничего не слышал? Он побратим мой.

– А, слышал! – Колюта покачал головой. – Убили побратима твоего, Несмеяне. В Берестове и убили, когда с лодей выходили. Он бежать пытался... мне вои знакомые рассказывали. Несмеян на мгновение словно окостенел, замер, глядя прямо перед собой.

Молодой вой, русоволосый сын воеводы Бреня потянул из налучья лук.

– Покинь! – прошипел Всеслав неожиданно сам для себя – его словно накрыла чья-то могучая воля, он понял – стрелять сейчас нельзя ни в коем случае. – Оставь лук, Витко!

Парень замер. Сквозь храп коней слышно было только, как стало чуть громче сопение медведя. Зверь не двигался.

Витко Бренич спрыгнул с седла на боярском дворе, и слегка дрогнул в душе, глядя на высокое резное крыльцо двухъярусного терема, широкого раскинувшего пристройки. Воя пробирала холодная дрожь – сватовство впервой, вот и дрожишь, как осиновый лист.

Боярин молчал, и Витко снова начал бледнеть. Как выяснилось – не зря.

– Вот что, гости дорогие, – сказал, наконец, Путислав Гордятич. – Ешьте-пейте, да дорогу обратную знайте. Дочка у меня одна и за Витко... – он помедлил, вспоминая отчество Витко (всё-таки соблюдал обрядность старьё боярин), – Витко Бренича я её не отдам. Есть у меня дорогой товар, да твоему, Несмеяна, купцу, он не по пенязям. Есть у меня и редкий диковинный зверь, да только твой охотник ещё снасть охотничью на него не обрёл.

И не выдержал-таки, боярин сорвался:

– А коль ещё раз явитесь – псов спуццу! – рыкнул он так, что и Витко, и Несмеян невольно попятнулись к двери.

И вторая золотая гривна легла на шею онемелого от счастья Витко, и второй синий плащ облёк плечи нового гридня.

Ножками подрезали дёрн, отворотили в сторону. Стали на колени с двух сторон от земляной ямки, протянули левые руки навстречь друг другу. Славута тонким ремешком связал их в запястьях прямо над ямкой, и Витко так же быстро резанул ножом по рукам. Кровь

тёплой струйкой текла по запястьям, смешивалась, стекала в землю, щедро питая серую нарочанскую супесь.

А от ворот навстречь уже летели вершники городской стражи. Подскакали, окружили, обдавая пылью и запахами конского пота, горячей кожи и нагретого железа.

– Так это же Витко! – подивился кто-то мгновенно, и гридень враз признал побратима, рыжего Несмеяна. – Никак стряслось что?

– Коня! – прохрипел Витко сухим потресканным ртом. – Скорее ко князю!

– Несмеян! Витко!

Вновь те же самые двое гридней, русский и рыжий, неуловимо чем-то схожие меж собой и такие разные, возникли перед князем.

– Снять колокола и паникадила!

В ночи звучно многогласо гремели цикады. Несмеян швырнул в Волхов камешек, несколько мгновений глядел на разбегающиеся круги. Взял второй.

– Покинь, – негромко сказал Витко, не подымая головы.

Друг сидел на большом камне у самой воды.

– Чего? – переспросил Несмеян.

– Не надо, – тихо сказал Витко. – Смотри, как хорошо.

Ночь и впрямь стояла хорошая – тишина, ни ветринки, и вода в Мутной-Волхове – не шелохнётся.

Свежесрезанными прутьями орешника огородили посреди двора небольшую площадку, и с двух сторон на неё ступили двое полуголых воев. От крыльца – Витко Бренич цепко ощупывал босыми ногами жёсткую короткую траву, играл могучими мышцами на груди и плечах. От ворот – тот самый Вадим Козарин, весело щурясь навстречь клонящемуся к окоёму солнцу и короткими движениями головы разминая шею.

– Брось, Чурила, – Витко махнул рукой. – Тут, в Берестье, всей рати-то – сотни две воев, не больше. Сначала их запугаем как следует, а после и само Берестье возьмём, если Перунова воля на то будет. Вспомни, как два года тому Мстислава крутили в лесах – ещё меньше войска было.

Пятеро воев пали враз. Несмеян прынул назад, полосую воздух сразу двумя клинками, и оказался в стороне от своих – его окружили.

Отбиваясь, он видел, как рубится, прикрывая княжичей, Витко, как валятся под переяславскими копьями вои.

Видел, как окружённый со всех сторон, друг опустил меч – и коротко мотнув головой, велел сделать то же самое бледным, как смерть, княжичам – не порубили бы кияне и переяславцы в горячах наследников полоцкого стола.

Их скрутили вмиг.

– Вот, значит, как, – с трудом выговорил Несмеян занемелыми губами.

ГЛАВА ВТОРАЯ ФИШКИ И ДОСКА

1

Пение Невзор услышал ещё никого не видя – женские, девичьи и мужские голоса доносились до него сквозь кусты от рощисты, на которой в этом году у плесковских *сбегов* был посеян овёс.

Как на нашей нивке
Сегодня дожинки!
Диво, диво!
До краю дожнёмся —
Мёду мы напьёмся!
Диво, диво!

Дожинки празднуют, – подумал он мельком, погоняя коня лёгким шевелением плети. – Небось, и Краса с ними.

Он не видел девушку с самого Перунова дня, с того, как она показала его солнцу и сказала, что никуда ему теперь от неё не деваться. Не было и дня, чтобы он не вспомнил он ней, но служба есть служба.

Наш хозяин Берестень
Ставит пиво на плетень!
Диво, диво!
Хозяйка-тетеря
Поставит вечерю!
Диво, диво!

Невзор весело засмеялся, и вновь поторопил коня. Воронко перешёл на рысь и скоро рассёк грудью придорожные кусты, вынеся всадника на открытое место.

Сбеги (да какие уж *сбеги*, три года на полоцкой земле живут, давно уж полочане, считай! – а только так и будут их теперь *сбегами* звать в здешних местах!) шли по краю сжатого поля, неся на руках туго связанный сноп, украшенный лентами и полевыми цветами. Последний сноп следовало подарить хозяину поля, задержавшемуся с жатвой – и Невзор тут же от души пожелал, чтобы этот сноп достался старосте, Славуте, чтобы он был с его поля. Впрочем, поют про какого-то Берестеня, стало быть, не к Славуте идут.

Невзор рыскнул взглядом по идущим, отыскивая Красу, замер на миг, не находя. Да вон же она, впереди всех, в венке из *волошки*, горечавки и клевера. Ух ты, а ведь это значит, что она самая красивая в вёске! Ну кто бы сомневался, – усмехнулся Невзор, направляя коня навстречу шествию.

Наварила буряков,
Насыпала червяков!
Диво, диво!
Наварила каши,
Насыпала сажи!

Диво, диво!

Его встретили смехом и шутками (знали уже его, помнили и по Перунову дню), поймали коня за уздечку (Воронко захрапел и попятился было, но быстро успокоился, когда ему кто-то сунул под нос кусок хлеба с солью). Краса глядела на него весело, чуть склонив голову набок, чуть шурясь от бьющего в глаза солнца. Невзор перекинул ногу через луку и соскользнул наземь, оказался прямо перед ней – обычай он помнил. Краса надела на него венок и все опричь загалдели:

– Выкуп, выкуп!

– Выкуп!

Выкуп, – усмехнулся парень, подхватывая Красу под локти и не спеша выпускать. – Всё верно, с первого встречного в Дожинки – выкуп.

– Выкуп! Выкуп!

Невзор отцепил от широкого войскового пояса серебряную подвеску, вложил в ладонь Красе и, не удержась, всё-таки её поцеловал. Словно огнём обдало голову, хмельно затуманились глаза, он выпустил девушку, а она, смеясь, сняла с его головы венок и тут же отскочила назад.

– Приходи дожинки справлять, витязь! – со смехом прокричали весяне, но Невзор, жадно глядя на Красу и только на неё, помотал головой:

– Не! Служба! Скакать надо!

Вскочил в седло, не касаясь стремян, вздел Воронка на дыбы, и весело прокричал прощальные слова, ударяя вскачь по лесной тропе. А весяне вновь завели всё ту же песню:

Как на нашей нивке
Сегодня дожинки!
Диво, диво!
До краю дождемся —
Меду мы напьёмся!
Диво, диво!

И верно – служба!

Невзор скакал в войский дом на Нарочи, вестоношей от воеводы Бреня, вёз невесомую и тяжёлую ношу – берестяную грамоту. Может, от воеводы, а может и от самой княгини. Невзор же не утерпел и завернул на несколько часов в Сбегову вёску, благо было почти попутно.

Всадник вымчал на опушку леса, тонущую в зарослях кипрея, донника и зверобоя, кустах боярышника и волчьего лыка, и перед ним широко распахнулся простор озера. Над озером гулял ветер, и Нарочь тяжело ворочалась в низких берегах, бросала на прибрежные камни тяжёлые, словно свинцовые волны; мотались в волнах камыш и осока.

Невзор промчался озёрным берегом, миновал полосу сосняка и стремительно влетел в ворота – сторожевые новики даже не успели рот раскрыть, не то, чтобы его окликнуть. Будет им вечером на орехи, – злорадно подумал Невзор, спешиваясь. Привычка драть нос перед теми, кто ещё только обучается у старых («я – опоясанный вой, а вы – щенки несмышлёные, ососки!») появилась недавно, и, как Невзор ни старался её преодолеть, всё равно то и дело прорывалась.

Наставник Ясь встретил его на крыльце – было бы слишком большой спесью полагать, что он вышел встречать своего бывшего ученика нарочно. Скорее всего, наставник строжил за что-то *новики* на дворе, когда прискакал Невзор. Ну или наоборот – *новики* перед ним чем-нибудь хвастались, как водится.

Невзор подбежал, придерживая меч пока ещё не привычной рукой, сдёрнул шапку, резким движением головы откинул со лба короткий ещё *чупрун*, поклонился.

– Гой еси, наставниче Ясь!

– И тебе поздорову, Невзор Несмеянович, – отозвался Старый. Мальчишка, которого мало не впервые назвали по имени-отчеству, смешался, покраснел, но почти тут же вновь овладел собой.

– Весть тебе от воеводы Бреня, – мальчишка, вновь поклонясь, протянул наставнику берестяной свиток.

Что в письме – он не ведал, да и разве ж это было важно? Редко кто в здравом уме доверить действительно важное ненадёжной бересте. А перехватят гонца? А не успеет он бересто в огонь бросить? Действительно важное всегда доставляют устно.

– С чем послан? – отрывисто спросил Ясь, пряча за пояс бересто и неодобрительно косясь на *новики*, во все глаза глядящих на вооружённого и опоясанного мальчишку. Невзор скользнул по ним взглядом, мимолётно улыбнулся и тут же вновь стёр улыбку с лица – говорить с наставником надо было взаболь.

– Послал меня к вам, Старые, воевода Брень Военежич, – степенно ответил Невзор. – Просит он, чтобы кто-нибудь из вас днями был в Полоцке, на дворе у воеводы. *Отай*.

Наставник помолчал, покивал едва заметно. Для чего *отай* – не спросил. Просит так воевода, стало быть – надо так. Да и не вестноше сопливому про то ведать, мало ль что – опоясанный вой в четырнадцать лет.

– Добро. Передай – буду через два дня. Здесь ночуешь или как?

– Не, – мотнул головой Невзор, глядя в сторону. – К матери заскочить хочу, на дедову заимку в Мяделе. В Моховую Бороду.

Врать он не умел и не любил.

Наставник Ясь только коротко глянул на него, отчего Невзор чуть покраснел, понимающе усмехнулся и сказал:

– Ин ладно, так тому и быть. Воевода-то разрешил помедлить?

– Разрешил, наставниче, – облегчённо ответил Невзор.

Он прискакал в Сбегову *вёску*, когда праздник уже закончился, отпировали весяне, и только неугомонная молодёжь ещё шумела между жилищами. Остановил коня на опушке, несколько мгновений помедлил, слушая вечерний полумрак – из вёски доносилось пение и весёлый смех. Что-то у них многолюдно стало, – подумалось Невзору неволей, он криво усмехнулся и шевельнул поводьями. Воронко, уже потянувшийся к сочному лопуху, недовольно фыркнул, но подчинился.

А жилья в *вёске* и впрямь прибавилось – oprичь отстроенных в прошлом году домов родичей Красы, добавилось сразу несколько изб, белевших в полумраке недавно отёсанными бревенчатыми стенами. А значит, прибавилось и народу.

Смех Красы он слышал издалека, хотя до того она смеялась редко. А в следующий миг, разорвав темноту, вынырнул к костру, у которого шумела молодёжь. Завидев невесть откуда возникшего всадника, они на миг замолкли, но тут же снова засмеялись, загомонили, прихлынули к Воронку, признав в Невзоре княжьего воя.

Краса же стояла у огня и улыбалась невестимо чему.

Невзор спешил, отдал кому-то повод – он не боялся, что коня сведут. Его здесь, в вёске, уже хорошо знали, да и не посмели бы у воя коня свести. Да и не так уж легко было свести Воронка, который, как пёс, отзывался на свист. Невзор подошёл к костру, протянул ладони к огню, встретился с Красой взглядом.

Она улыбалась.

– Угостись с нами, витязь, – окликнули его. Он принял из темноты протянутую горбушку хлеба, деревянную чашу с пивом, печёную репину и кусок жареного на углях мяса, по-прежнему, не отрывая глаз от Красы.

Всё было как тогда, в Перунов день.

Краса появилась из полутьмы неслышно, подошла вплоть, обняла, прикоснулась губами к щеке:

– Чего от костра ушёл, сокол?

– А, – Невзор неопределённо повёл плечом и спросил о другом. – Откуда это у вас в *вёске* столько народу?

– С Плесковщины прибежали, – Краса стала впереди него, спиной к костру, спиной к парню, прижалась спиной к его груди, – и руки Невзора сами протянулись обнять девушку. – Сейчас много народу оттуда сюда бежит, раз Плесков опять Мстиславу отдали. Семь домов поставили новых. А ты чего про них?

– Да так, – Невзор засмеялся. – Мне с тобой одной побыть хочется, а когда слишком много людей...

Краса удивлённо взметнула вверх брови, тоже рассмеялась:

– Экий ты... прямой. Ладно, идём, – девушка потянула его за руку. – Покажу что-то. За коня не беспокойся, никуда не денется.

Шли они недолго. За околицей небольшой распадок плавным и длинным языком вытекал к озеру и обрывался в него красноглинистым яром. Около яра, под развесистой ветлой, ветки которой доставали до воды, образуя над яром шалашик, Краса остановилась. Отвела ветки рукой.

– Сюда.

Невзор, наклонясь, проскользнул внутрь. Под ветками было просторно, можно было стоять, не сгибаясь. Девушка вошла следом, и ветки опустились, отрезав их от всего бешеного и кровавого мира.

– Вот здесь я и прячусь обычно от людей, – сказала она шёпотом, и её волосы коснулись щеки Невзора. Чиркнул об огниво кремь, затрещала, разбрасывая искры, береста. – Посмотри на моё убежище.

Невзор огляделся, всё время касаясь Красы то рукой, то плечом. Было похоже на пещеру, но не было затхлого пещерного духа и чувства громадной толщи земли или камня, наваленного над головой. Хорошо было. А сквозь просветы в ветках лился тонкими полотнищами лунный свет.

– Я прихожу сюда, когда мне бывает очень плохо или очень хорошо. Сейчас мне прекрасно.

Руки девушки легли Невзору на плечи.

– Я понял, – хрипло сказал парень, обнимая Красу, утопая в её широко раскрытых глазах и прерывистом дыхании, и на какое-то время забывая обо всём остальном – ныне для него была только она, Краса, девушка сумасшедшей красоты и редкого ума!

Ночная птаха опустилась на ветку, цвиркнула и вспорхнула, стряхнув на голое плечо Невзора вечернюю росу. Парень вздрогнул, а Краса выскользнула из его рук.

– Пора, Невзоре. Надо воротиться домой до зари. Отвернись, я оденусь.

Невзор молча отворотился, ждал, пока девушка шуршала одеждой, затягивая многочисленные завязки. Она неожиданно сказала.

– Когда-то, два года назад, когда мы только поселились в этих краях, я поклялась самой себе, что сюда, oprичь меня, войдёт только один человек – тот мужчина, которого я смогу полюбить.

Потом, уже утром, рассёдывая коня у крыльца дедова дома, он вспоминал, что случилось в Сбеговой вёске и невольно улыбался во весь рот.

Мать встретила на крыльце – высоком, крытом тёсом, с резными *подзорами* и *полотенцами*. Дед любил рукодельничать и строить (странно было думать о нём в прошедшем времени – любил, рукодельничал, строил, говорил, рассказывал... с самого раннего детства Невзор привык, что дед – есть, и только нынче, после менского разорения стало так, что дед – был) и свой лесной дом, вроде и не особо казовитый, изукрасил так, что проезжие купцы, бывало, останавливались с отверстым ртом. А чего и не любить – в лесу времени много.

– Невзорушко!

Сын смущённо улыбнулся, обтирая сапоги перед тем, как ступить на дедово крыльцо.

– Здравствуй, мамо.

Топилась печь. Пахло пирогами – квашню Купава поставила с вечера, в честь Дожинок, а ягоды да яблоки вчера только собрала в лесу. Меж тем, припасов в Моховой Бороде было немного, а зимовать ныне приходилось здесь, в город не покажешься. Впрочем, были и рабочие руки – прибились к хозяйству старого Калины менские сбег, которым он, перед тем, как шагнуть навстречу налетающей переяславской коннице, успел крикнуть, в какую сторону подаваться. От них и прознала Купава о том, как погиб отец. Впрочем, мёртвым его не видела ни она, никто из тех сбегов прибывшихся, потому и не спешила хоронить отца даже и в мыслях Купава.

Были средь сбегов и мужики – Крапива и Взимок, оба враз потерявшие всё, что у них было, на том менском разорении. Сейчас они ждали, пока княгиня визнает про полонённые семьи менчан, а при случае нет-нет да и заговаривали, чтобы остаться в Моховой Бороде навсегда, хоть и знали уже, что Минск ещё весной воротился обратно под Всеславию власть. Так и прижились сбег менские в Моховой Бороде – Забава с дочкой Лютой, спасённая отцом около Менска, да жена её *стрыя* Дубора, погибшего вместе с Калиной, – Дарёна, да Крапива и Взимок. И головой над ними – нежданно-негаданно ставшая хозяйкой отцова хутора Купава.

– Из Полоцк ли приехал? – словно невзначай спрашивала мать у Невзора.

– Из Полоцка, да, – неспешно отвечал Невзор, грызя кислое лесное яблоко и чуть морщась. – Воевода Брень посылал на Нарочь, в войский дом. Отец с воеводой что-то замышляют...

Догрыз яблоко, метко швырнул огрызок в помойное ведро, поднялся.

– Где коса у деда лежит, мамо? Двор зарос гораздо, обкосить надо.

2

Княгиня Бранемира Глебовна была в отчаянии. Хотя по её виду человек, который её плохо знал, ни за что бы не смог сказать ничего подобного.

Да даже и многие из тех, кто знал княгиню хорошо, не сказали бы. Вот и бояре не замечали ничего.

Внешне всё было хорошо. Княгиня была спокойна, держалась прямо и не единой слезинки не видели ни боярышни – сенные девушки, ни даже чернавки-холопки ни разу за истекший с пленения Всеслава Брячиславича месяц. Княгиня говорила с ними без небрежения, приветливо, но и с привычным князьим отстоянием, ни в чём ни разу не нарушилась княжья порода, стать древнего рода словенских князей и волхвов. И только изредка, всего пару раз за прошедший месяц, прорывалась в голосе княгини горечь и сухость.

Но это всё было внешне.

В душе же Бранемиры Глебовны бушевал ураган.

Прошёл уже целый месяц!

Месяц!

Месяц, а про мужа ни слуху, ни духу, ни вести, ни навести (умом она понимала, что судовая рать Ярославичей всего седмицы с две как воротилась в Киев, да пока пиры приветственные да отвальные на радостях от того, что одолели-таки «ворога» – весть должна была донестись до неё на днях). И неясно, что делать, и где искать помощи против Ярославичей и воротившегося в Новгород Мстислава – тоже неясно. Ясно было только то, что Мстислав не оставит Полоцк в покое.

Бранемира закусила губу, отворотясь от опротивелого окна, в котором опять виднелось то же самое – утопанный двор княжьего терема, высокий заплот из островерхих палей с прорезанной в нём *брамой* из неподъёмных дубовых стволов и водная ширь Двины за воротами.

– Госпожа княгиня! – вкрадчивый голос из-за спины показался ударом грома. Бранемира вздрогнула и оборотилась, вдруг поняв, то мало не прижалась спиной к стене, к подоконнику, словно её окликнуло какое-нибудь чудовище, вроде Змея Горыныча либо свейского Йормунганда.

– Госпожа княгиня, – повторила Вайва, теремная холопка из литвы, с тщательно скрываемым весельем косясь на госпожу. Весело тебе, сука! – подумала в ярости княгиня, но внешне по-прежнему осталась невозмутима. Вайва в последнее время изменилась, стала какой-то чрезмерно нахальной, но повода для наказания пока не давала. – Госпожа княгиня, приехал наместник...

– Кто?! – холода в голосе Бранемиры хватило бы, чтобы заморозить всю Двину в летний полдень. – Наместник?!

– Ой, прости матушка, – тут же повинулась холопка, нагло низзя взгляд и поглядывая на госпожу искоса. – Я хотела сказать, посол новгородский приехал, боярин Ратибор Тужирич.

На какой-то короткий миг княгиня испытала ослепительное желание разбить об голову Вайвы стоящую на столе крынку из-под топлёного молока, так, чтобы осколки брызнули в стороны вперемешку с остатками молока, жира и пенки со стенок, чтоб кровь брызнула из разбитой головы. Так ясно вдруг представилось, что пальцы свело и пришлось пересиливать себя, чтобы не дёрнуться за крынкой к столу.

Видимо, Вайва что-то почуяла, глянула испуганно, почти даже попятилась, но княгиня совладал с собой и молча двинулась к двери. И только когда проходила мимо холопки, чуть замедлила шаг, ожгла ей щёку оплеухой. Вайва только молча склонила голову.

– И запомни, змея, – уже оборотясь от двери, сказала княгиня. – Никакого наместника в Полоцке нет, ни киевского, ни, тем более, новгородского. И никогда не будет, пока жива я и мои дети. И вообще, не пора ль тебе укоротить язык... что-то смела слишком стала.

Вайва смолчала. Держась за пылающую от оплеухи щеку, она смотрела на госпожу исподлобья и взгляд был – не понять.

Боярин Ратибор Тужирич, худощавый и высокий середович с заметной проседью в голове, усах и бороде, прошёл в гридницу, бросил по сторонам весёлый взгляд, словно ища что-либо смешное, а не найдя, насупился, поклонился княгине и уселся на приготовленное для него место на лавке рядом с высоким резным креслом. На этом кресле ранее принимал гостей князь Всеслав, а сейчас уместилась княгиня Бранемира Глебовна. Она всё ещё прерывисто дышала после сорванного на холопке гнева, хотя со стороны это было почти не заметно.

Покосилась на плесковича, сжала зубы, почувствовав, как чуть заметно шевельнулись под кожей на челюсти желваки, но внешне постаралась не показать – многовато чести будет Мстиславлю холую, чтобы полоцкая княгиня из-за него гнев показывала.

Хорошо ещё, что плескович не в князьем терему живёт, а занял пустующий уже третий год терем полоцкого епископа Мины, а то бы давно уже вывел княгиню из себя своим вездесущим присутствием.

Ратибор всё же что-то видимо почуял, повёл глазами на княгиню, на бояр и гридней, рассеявшихся на лавках в гриднице, остановил взгляд на Бранемире Глебовне, глядел несколько

мгновений, ноздри раздул, но смолчал. Попробовал бы что сказать – небось уловил как на него смотрят Всеславы *гридни*, вмиг бы рот заткнули наглецу, осмелившемуся вкаты без княгининого дозволения.

Несмеян Рыжий, подумав так, только холодно усмехнулся, и нарочно чуть пошевелился, чтобы ощутить на поясе гибельную и привычную тяжесть меча – не одного врага довелось повалить узорным клинком, авось и ещё не одного доведётся. Встретился взглядом с понимающим взглядом воеводы Брени, чуть опустил голову. Воевода не одобрил бы ссоры и поединка просто ради ссоры и поединка. Для дела – иное. Для дела – можно и нужно.

Но через миг все эти мысли разом вылетели у Несмеяна из головы – отворилась дверь, и в *гриднице* возник (иного слова не подберёшь!) коренастый муж в свите крашеного сукна, снял красную шапку, выступил на середину *гридницы*. Пригладил бороду, оглядел сидящих на лавках.

И почти тут же новгородский посол зашевелился, вцепляясь в пришедшего взглядом. Будь он псом, у него бы сейчас шерсть на загривке дыбом поднялась, рычание было бы слышно даже в резных кленовых сенях, а то и дружинным воям на теремном крыльце.

Плесковский тысяцкий Найдён Смолятич ответил своему давнему врагу открытым взглядом и поклонился княгине:

– Гой еси, Бранемира Глебовна!

– И тебе поздорову, Найдёне Смолятич, – ответила княгиня, чуть прищурилась. Она уже понимала, о чём пойдёт речь, и отчасти жалела, что разговор будет таким открытым, при Ратиборе. С другой стороны, может, этому Ратибору все дела княгини и полоцкого княжества покажутся поперёк горла, что ж теперь, ради него прятаться и скрываться в своём-то дому?! – Поведай нам, с каким делом ты приехал к нам в Полоцк?

– Милости твоей прошу, княгиня, для себя и людей своих, – прямо рубанул Найдён. – Дозволь в городе твоём поселиться!

По *гриднице* словно шелестящий ветерок прокатился. Многие догадывались, что так будет, а некоторые и вовсе знали, с чем плескович приехал, а только чтобы вот так, в открытую...

– Мои люди и мечом, и копьём владеть привычны, а значит, тебе пригодятся, в любых твоих делах. Возьми нас к себе на службу!

Шелест превратился в лёгкое гудение – *гридни* и бояре переговаривались уже вполголоса, но тут княгиня чуть шевельнула рукой, и *вятшиная нарочитая чадь* Полоцка умолкла.

В воздухе повисло какое-то странное напряжение, словно перед грозой. Казалось, ткни пальцем прямо перед собой – и грянет молния, загрохочет гром.

– А чего ж... – спокойно, словно сомневаясь в чём-то, произнесла Бранемира Глебовна. – Почему бы и не принять добрых воев да хороших людей? Места в городе хватит на всех...

И гром грянул.

– Госпожа княгиня! – почти выкрикнул Ратибор Тужирич, вскакивая. И почти сразу же за его криком раздался многоголосый взрыв голосов – *гридни* и бояре вскакивали с мест, кричали, хватаясь за оружие. Несмеян и сам не заметил, как оказался посреди *гридницы*, рука лежала на рукояти меча, а глаза, не отрываясь, глядели на Ратибора Тужирича. Плесковский боярин побледнел, – если бы за его спиной не было лавки, то он бы сейчас пятился назад до самой стены, пока не прижался бы к ней лопатками.

Выкрик Ратибора словно пробил дыру в плотине, и долгое терпение полоцкой знати, наконец, прорвалось бурным потоком.

Бранемира Глебовна чуть прикрыла глаза, пытаясь отрешиться от царящей в *гриднице* безлепицы. Горло перехватило, было трудно дышать, в глазах плясали разноцветные пятна. Княгиня поняла, что ещё немного, – и она потеряет сознание. Рука словно сама по себе поднялась к горлу, терзала серебряную запону у горла, тербила алую вышивку на вороте.

Внезапно она почувствовала, словно бы на шею ей легли огромные и тёплые ласковые ладони, погладили по затылку, тепло их было слышно даже сквозь плотную, шитую жемчугом и серебром кичку, грудной женский голос негромко сказал в самое ухо (как же они все его не слышат?!) что-то непонятное, но такое спокойное, что Бранемира разом взяла себя в руки. «Благодарю тебя, мати Мокоше!». Глубоко вздохнула, открыла глаза и рывком поднялась на ноги, разом, одним взглядом, охватив всю неподобь в гриднице.

Шум и крик внезапно прекратился, бояре и гридни отступили, переводя дух, и только Несмеян Рыжий остался стоять посреди *гридницы*, неотрывно глядя на Ратибора.

– Спокойнее, господа полоцкие, кривская *чадь нарочитая*, – чуть нараспев произнесла княгиня, утишая последние шумы. Вновь оглядела гридницу, спокойно села в кресло, возложила руки на подлокотники и закинула ногу на ногу, качнув в воздухе острым носком сафьянового сапожка, вышитого серым речным жемчугом. Взгляд её остановился на Несмеяне, княгиня едва заметно кивнула, разрешая говорить.

– Ты! – Несмеян порывисто шагнул к Ратибору, и плескович всё-таки попытался попятиться. Край лавки ударил его под колени, Ратибор плюхнулся на зад, но, тут же опомнясь, вскочил и сам шагнул навстречь Несмеяну, выпячивая челюсть – не годилось ему здесь и сейчас ронять честь своего князя. – Ты как смеешь прерывать госпожу?! Кто дал тебе право говорить?!

Глухой ропот вновь пронёсся за спиной Несмеяна – полочане вновь подали голос.

– Я великим князем прислан и с его голоса говорю! – процедил Ратибор, но княгиня тут же оборвала его спокойным голосом:

– Ты, Ратиборе Тужирич, прислан сюда не от великого князя, а от новгородского князя Мстислава. И ты не воображай, что наместником здесь сидишь, а то недолго ведь и путь указать.

Ратибор повернулся к княгине, глянул непримиримо:

– Ты не можешь принять в своём городе Найдёна и его людей, госпожа княгиня!

Бранемира несколько мгновений разглядывала плесковича, словно какую-то заморскую диковинку, только что выложенную перед ней агарянским альбо греческим гостем, потом едва заметным движением головы указала Несмеяну воротиться на место, и вновь сказала:

– А ты попробуй мне запретить, Ратиборе Тужирич, – в её спокойном и даже ласковом голосе вдруг явственно прорезался холод – словно стальное лезо высунулось из мягкой шерстяной кудели. – Ты сюда для чего Мстиславом прислан? Приглядывать, не замышляю ли я чего против Ярославичей?! Вот за этим и приглядывай. А люди эти... они моему мужу присягнули, они его руку в бою держали, мне ли их не принять от мести-то вашей, от гнева Мстислава Изяславича... да и от твоего, боярин Ратибор!

– Но, госпожа... – попытался было возразить Ратибор, но его голос тут же потонул во вновь поднимавшемся ропоте кривской нарочитой чади. По мнению полочан, княгиня слишком многое спускала наглому плесковичу, до сих пор не указав смахнуть ему голову в придорожную яму, волкам на поживу. Несколько мгновений Ратибор Тужирич пытался ещё что-то сказать, но понял, что не достигнет ничего. Махнул рукой и отворотился.

Встретился взглядом с Найдёном Смолятичем и на миг аж задохнулся от подступившей ненависти. И на миг пожалел, что он сейчас здесь, а не у себя в Плескове – мог бы и тысяцким стать.

Впрочем, моё от меня не уйдёт, – тут же подумал Ратибор, всё ещё меряясь взглядами с Найдёном. – Буду и тысяцким плесковским ещё, придёт время.

3

– Значит, он сбежал, – медленно, с расстановкой сказал тысяцкий Коснячко, вприщур глядя на Бориса. Вой в ответ только потерянно кивнул, даже не пытаясь что-то возразить. – Как это могло случиться? Он что-то заметил?

– Видимо, этот калика – стреляный воробей, господине, – хмуро ответил Борис. – Почуял что-то... или узнал кого-нибудь. Если он давно в Киеве, он многих должен был знать.

– И где его искать теперь? – так же хмуро спросил Коснячко.

– А зачем его искать, господине? – Борис усмехнулся. – Воротится сам, тогда и найдём.

– Воротится? – непонимающе переспросил тысяцкий.

– Конечно, воротится, – вой поднял голову и глянул, наконец, Коснячку прямо в глаза, довольный тем, что тысяцкий не понимает того, что для него, Бориса, было ясно как день. – У нас же оборотень и его дети в полоне, воевода, неужто не понимаешь? Думаешь, они это просто так оставят?

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом тысяцкий согласно наклонил голову.

– Он небось сейчас уже с *вятшими* в Полоцке сговаривается, требует, чтобы они дружину сюда послали, – докончил Борис Микулич.

– Сколько можно говорить? – хмуро бросил Колюта, и в его голосе ясно послышалось раздражение. – Я в Полоцке уже *седмицу* живу, а пока что ничего, опричь слов, не слышал! Пустых слов!

У воеводы Бреня на гладко выбритой челюсти вспухли желваки, он свирепо зашевелил усами – видно было, что слова дурного вестника (о смерти своего сына Брень Военежич достоверно узнал именно от Колюты) показались воеводе обидными. Бронибор Гюрятич сердито насупил, глядел исподлобья, словно собираясь сказать: «Что себе позволяет этот *гридень*?!». Но оба воеводы промолчали – *гридень* Колюта, хоть и выглядел сейчас не как *гридень*, а скорее, как *калика*, был таким же приближённым к Всеславу Брячиславичу воем, был их ровней. К тому же, он сейчас лучше остальных соображал в киевских делах, знал, что именно надо делать, а они, полочане – нет.

Вятшие Полоцка смолчали в ответ на упрёк. Ответил хозяин дома, рыжий Несмеян, который до того только молча сидел на *баляснике* высокого крыльца, покручивая усы:

– Не кипятись, Колюта, не надо. Мы не меньше твоего хотим выволить господина из полона. Но ты же сам знаешь, горячку в таком деле пороть невместно.

– Ну да, – сцепив зубы, процедил Колюта, и Несмеян невольно залюбовался им. Колюте доходил уже шестой десяток, но его возраст был совсем не виден – жилистый и крепкий, что твой кожаный ремень, он не мог сейчас и мгновения сидеть спокойно, словно за воротами Несмеянова двора его ждали враги с кривыми ножами. Какой он *калика*? Воин! – Кто и знает-то как не я.

– Понятно, что сразу открыто напасть мы не можем, – глухо прогудел Брень Военежич. Воевода сидел на походном *столице*, закинув ногу на ногу, пытливно разглядывая всех троих – и уместившегося на *баляснике* Несмеяна, и Колюту с Бронибором на ступеньках крыльца. Летняя вечерняя духота выгнала вятших из Несмеянова дома на двор, под звёздное небо. Шумно вздыхали в стае коровы, чесался и фыркал на заднем дворе Несмеянов боевой конь, сонно хрюкали в хлеву свиньи. Потрескивал дрова в костре на глиняной проплешине посреди двора. – Надо сперва вызнать доподлинно, что, да как. С княжичами повидаться...

Вятшие переглянулись.

Брень поддел носком сапога из травы сухое полено, толкнул его в огонь, поморщился от метнувшегося в лицо дыма. Полено с треском взялось огнём, языки огня лизнули наполовину прогоревшие дрова.

– Они в Чернигове у Святослава, – Колюта задумчиво поскрёб щёку кончиком согнутого пальца. – Повидаться... повидаться, я думаю, с ними можно. Для того надо к ним кого-то от княгини послать. От её имени... Думаю, Святослав Ярославич не станет противиться тому, чтобы посланец матери с сыновьями повидался.

– А к князю...

– К князю не допустят! – сразу же отверг *калика*. Усмехнулся криво и язвительно. – Они его слишком боятся...

– Боятся... – Бронибор привычно играл бородой, наматывая пряди на палец и разматывая снова. – Боятся, а в поруб не посадили.

– Он – князь, – не слишком уверенно возразил Несмеян, качнув левой ногой над полом крыльца. Правую, согнув в колене, он поставил на балясник перед собой. – Может, уважить решил его Изяслав...

– Судислав Ольгович тоже был князем, а Хромцу это ничуть не помешало, – тут же отверг Колюта. – Хотя Изяславу Ярославичу до отца... как мне до Царьграда пешим ходом. С другой стороны, великий князь хочет, чтоб во всём порядок был, всегда... чтобы люди понаписанному жили... а так не бывает.

Ненадолго смолкли.

Да, так не бывает. Хотя бы потому что на всех и на каждого не угодишь, а все люди разные, и каждому хочется своего. Обязательно найдётся тот, кто вылезет за стены законов и правил.

Вернее, не так.

Наоборот.

По законам и правилам живут единицы, большинство же – как боги на душу положат, а то и вовсе – как левая пятка пожелает.

Потому и нужны они, эти законы и правила, – тут же возразил сам себе Несмеян. – Не будь их, давным-давно бы потонули люди в крови и неправде, а то и вовсе погибли бы все.

Гридень легко соскочил с *балясника*, исчез в снях. Воротился с *ночвой*, на которой исходили мясным соком куски баранины с ледника, переложенные луком, чесноком, брусничным и смородиным листом, просочился между Колютой и Бронибором и как-то враз оказался у самого костра. Огоньки как раз погасли, остались только рдяные уголья, между которыми островками лежали большие плоские камни. Несмеян разложил мясо на раскалённые камни, зашипело, потянуло дымком, сладким мясным запахом. Гридень присел на корточки рядом с огнищем, сыпанул на угли репу.

Вообще, такое угощение – обычная забота холопа, но разговор был не для чужих ушей, и оба холопа Несмеяна, умаясь за день, уже утомонились и спали в клетки, а жена с маленьким Жихорем и чернавкой уехала в Моховую Бороду ещё три дня назад, потому хозяину пришлось беспокоиться об угощении гостей самому.

Зато если кто со стороны посмотрит, сможет заглянуть на гриднев двор – ну сидят четверо мужиков, ну жарят на углях мясо и пекут репу, сейчас, небось, пиво пить начнут, да о бабах говорить. Обычное дело.

Несмеяну на миг стало тошно.

До чего дошло?! Они, вятские Полоцка, отай говорят о важных делах! Не на собрании в детинце, не в гриднице у князя, а у гридня на дворе, под яблонями. Ночью. Таясь даже от собственных слуг.

Так, глядишь, скоро и от самих себя прятаться начнём, станем каждый сам по себе, моя хата с краю, – с неприязнью неведомо к кому подумал Несмеян, шевеля ивовой веткой рдеющие уголья.

– Дружину? – недоверчиво переспросил тысяцкий. – Ты думаешь, они решатся в открытую нарушить ряд? Его ж только что заключили!

– Нет, конечно, – Борис Микулич поморщился. – Но людей они пошлют обязательно. Захотят связаться с княжичами... и с оборотнем. Тем паче, что князь наш Всеслава в поруб не посадил, стойно тому, как его отец – Судислава. Они обязательно попытаются.

Подумал и добавил:

– Я бы точно попытался.

– Ну, то, что князь не в порубе... нам же легче, – Брень воротил разговор на прежнюю дорогу.

– Он в терему своём живёт, в Берестове... – кивнул Колюта. – Но там воев на страже – чуть не половина дружины княжьей.

– А почему они Брячиславича в Берестове держат? – озадачился Несмеян. – Если уж не в порубе, так в Киеве ж рядом с детинцем двор Брячиславль, можно же там. И охранять проще.

– Не проще, – покачал головой Колюта. – Около детинца слишкомлюдно, сам знаешь, какова Гора. За всем не уследишь. А Берестово – великокняжье село ещё с Владимировых времён, на каждом дворе хозяин с дедов-прадедов навик князю великому служить и киевской госпде. И каждый новый человек сразу на виду, потому – людей не так много, как в Киеве самом.

– Сложно будет проникнуть... – Несмеян покачал головой, не отрывая глаз взгляда от подрумянивающегося мяса. – Что там стоит поблизости? Самое умное – сделать подкоп на Брячиславль двор.

– Поблизости, – задумался калика. – Поблизости... там пустырь поблизости, усадьба заброшенная. Как раз в прошлом году три десятка лет сравнялось, как хозяева от печенегов погинули. От жилья стены одни, но поправить можно. Камыша на Днепре много, за день управимся.

– Если мы просто так там появимся и копать начнём, это верный провал, – сказал Несмеян. – Надо, чтобы там кто-нибудь поселился, из небедных киян. Как думаешь, Колюто?

Он поддел ножом кусок мяса, перевернул его, придирчиво поглядел на подгорелую корочку, и только потом поднял голову и глянул на Колюту, сумрачно подпёршего голову кулаками.

– Есть один купец, я с ним из Киева выбрался, Крапивой кличут, – неохотно ответил калика. – Ему власть Ярославичей не больно по душе, он из наших. У него даже как-то *козарин* один донской жил, который хотел помочь сбежать Ростиславлей княгине и княжичам. Но он тоже на подозрении, раз я на его лодье из Киева ушёл. Уходил-то с шумом...

– Значит, надо, чтобы этот участок ему продал кто-то известный, не наш, – подытожил воевода Брень. – И лучше, если тоже из купцов – подозрений меньше.

– Есть такой... Исаак Гектодромос, – Колюта покривился.

– Чего косомордишься? – тут же спросил воевода.

– Да больно уж он на руку нечист, – *калика* передёрнул плечами. – Всем подряд торгует, и живым товаром в том числе. И кривичами в эту зиму поторговал, большую мошну нажил...

– Тем больше поводов его потрясти, – жёстко сказал Несмеян, опять переверачивая мясо.

– Потрясём, – кивнул Колюта. – Сам же и займусь. Людей для подкопа у Крапивы найдём, у него челядь водится. Отберём таких, кто землю копать согласен и помалкивать. Либо на Подоле найду.

– Копать... – задумчиво протянул Брень. – Скоро зима. Земля промёрзнет... как копать-то?

– Да морозов больших хоть сажень пройти, – мотнул головой Несмеян. – Там, в Русской земле теплее, земля промерзает меньше, да и вода – дальше. Копать можно смело. Только вот землю куда девать потом...

– Придумаем, – подытожил Колюта.

– Ты думаешь, он воротится сам? – по-прежнему недоверчиво спросил Коснячко. – Этот *калика*? Он же не может не понимать, что...

– Что мы теперь его знаем? – закончил за него Борис.

– Ну да. И воротится?

– А как иначе? – пожал плечами Борис. – Ему просто придётся. Он тут, в Киеве, все ходы и выходы знает, он тут как рыба в воде. Без него им в таком деле никак.

– Без меня в таком деле никак, – криво улыбнулся Колюта. – Ваши люди без меня в Киеве на второй день попадутся.

– Ну уж и на второй, – не удержался Несмеян, вызвав понимающие усмешки и *калики*, и обоих воевод.

– Правильно, – Бронибор покивал, щурясь на рдеющие в очаге уголья. – Тебе ехать надо, Колюто... Но тебе придётся скрываться, тебя там теперь помнят. А чтобы тебя искали меньше, им нужно какое-то пугало. Кто-то такой, за кем они будут смотреть во все глаза и забудут про тебя.

– Боярин Бермята, – предложил Несмеян. – Надо потребовать, чтобы его освободили, и пусть живёт в Киеве, на полоцком подворье, ездит везде, с людьми говорит. Они на него и будут зубы точить.

– Ты и потребуешь, – подытожил Брень Военежич. – Поедешь в Киев, а заодно и в Чернигов, переговоришь и с теми, и с другими. Ты у нас человек известный, тебя в Киеве многие знают сейчас, ты на Немиге хорошо себя показал... покажешь, им что Полоцк не согнулся.

– Стоит ли заранее собак дразнить? – приподнял брови Несмеян.

– Надо, – Брень покачал головой. – Иначе они к Корочуну нам в Полоцк наместника пришлют и Глебовне укажут с престола убираться.

Все на миг примолкли, вспоминая, как седмицу тому в гриднице княжьего терема мало не дошло до крови от упрямства новгородского посла. Несмеян сжал зубы – руки и о сю пору просили рукояти меча. Но на Ратибора Тужирича опричь него, Несмеяна, и ещё один человек меч точил – Найдён Смолятич, бывший плесковский тысяцкий, он пусть Ратибору кровь и пускает.

Шипело и шкварчало на камнях мясо, шумно и часто дышала в хлеву овца, трещали в саду под яблонями цикады.

Несмеян потыкал в мясо ножом, удовлетворённо кивнул и принялся швырять *грядину* на ночь, ловко поддевая остриём ножа.

– Дошло мясо, господа полочане, – сказал он весело, – только рот разевай. Колюта, там позади тебя жбан с пивом стоит, разлей его по чашам.

Горячее полусырое мясо обжигало губы и зубы, холодное пиво приятно щипало язык и нёбо. Где-то на Нижней улице лаяли собаки, лай перекатывался от Замковой горы к верховьям Двины и обратно, другие отзывались из Задвинья. Комарья уже не стало, но у реки и на болотах длинноногие караморы будут зудеть над головой ещё долго, до самого листопада. С реки медленно наползал туман, сырость забиралась под плащи и свиты вятших, заставляя то и дело передёргивать плечами.

Несмеян выкатил палкой с углей репину, подхватил с травы, обжигаясь, несколько раз перебрал с ладони на ладонь, разломил пополам, захрустел угольком на зубах.

– Разогнались решать, – пробурчал, меж тем, Бронибор Гюрятич, дожёвывая мясо, и сделал крупный глоток. – Как ещё княгиня на то посмотрит.

– Согласится, куда ей деваться-то, – пожал плечами воевода Брень, отбросив в сторону обугленную кожуру репы и стряхивая с пальцев сажу. – Ей тоже эти наместники как нож вострый. Она всё уже заранее одобрила, только самой ей сюда невместно приехать, да и в терем тебе, Колюта, не след попадать сейчас – похоже, там у Ратибора уже уши есть.

– В княжьем-то терему? – недоверчиво переспросил Колюта. Воевода в ответ только сумрачно кивнул – княгиня уже рассказала ему про свою наглуую холопку. Уж не позарилась ли Вайва на новгородское серебро?

– Ладно, – Коснячко, наконец, оставил в покое бороду, которую то и дело принимался мять в кулаке. – Стало быть, будем ждать гостей из Полоцка.

– Будем, воевода. Может быть, ждать их нам будет недолго. Там сейчас много тех, кто хочет воевать дальше. И плесковичи беглые, и новгородцы... и дружины княжи, – Всеславля, Рогволожа... им только князя не хватает.

4

Княгиня Бранемира устало опустилась на лавку – долгий день вымотал, руки едва держали даже ложку на вечернем обеде с дружиной и боярами. Но теперь в гриднице не было никого, и можно стало сбросить и величие, и отстранение и снова стать самой собой. Княжеский престол требует многого.

Вайва вновь оказалась рядом – после утренней выволочки холопку словно подменили. Она резво и молчаливо двигалась по терему, не смея и глаз поднять на госпожу, и Бранемира уже иной раз подумывала – а не напрасно ли она давеча обидела холопку.

– Почивать, матушка-княгиня? – склонилась Вайва, освободив Бранемиру от серебряных серёг, гривны и шитого золотом пояса. Княгиня облегчённо повела головой, разминая шею, вздохнула.

– Нет, Вайва, погоди, – княгиня потёрла виски кончиками пальцев. – Не сейчас пока что. Принеси-ка лучше писало да берёсты пареной.

Холопка, вновь поклонясь, молча скрылась за дверью, недовольно поджав губы. Княгиня усмехнулась – её пристрастия к письму не мог понять никто в Полоцке, даже и муж, Всеслав Брючиславич. А ей, княгине, надо было на берёсту занести всё, что она считала важным. Такой важной была и сегодняшняя ссора с новгородским послом, который уже мнил себя наместником в Полоцке. Опречь того, следовало написать грамоту для великого князя, ту, которую они задумали вместе с обоими воеводами.

Почти не скрипнув дверь, воротилась Вайва, положила на стол перед княгиней несколько берестяных листов и писало – деревянную палочку с торчащим из неё коротким шилом.

– Госпожа княгиня, к тебе воеводы Рах Стонезич и Мстивой Людевитич, – пропела она почти ласково, только вот этой ласковости княгиня почувствовала, что у неё внутри словно страшные ежиные иголки дыбом встали.

– Зови, – шевельнула она губами.

Воеводы один за другим прошли в гридницу, сняли шапки, кланяясь образам на божнице. Переглянулись, словно не зная, с чего начать, и княгиня невольно залюбовалась.

Оба в сапогах жёлтой кожи, грубых портах некрашеного сукна, в таких же серых плащах с видлогами, усатые, безбородые и с чупрунами на бритых головах. Рах – низкорослый и коренастый, Мстивой – высокий и худой. Рах – темноволосый, темноусый, кожа тоже темна, словно дублёная, Мстивой – светло-русый, кожа бела даже среди жаркого лета. Оба с мечами, у Раха – за спиной, у Мстивоя – на поясе; сафьяновые ножны у Раха – красные, у Мстивоя – синие. У Раха на шее серебряная гривна, у Мстивоя в ухе – золотая серьга с жемчужиной. Крашенные рубахи, у Раха – рудо-жёлтая, у Мстивоя – тёмно-зелёная.

Вместе с тем, они были невозможно одинаковыми, хотя княгиня при всём старании не смогла бы сказать, что именно в них одинакового, oprичь портов, сапог да плащей.

Бранемира уже открыла рот, чтобы спросить у воевод, с чем они пожаловали, но в этот миг её взгляд наткнулся на замершую в дверях Вайву. В глазах холопки она заметила мгновенный проблеск жадного любопытства, и прежние подозрения опять ожили.

– А ну, пошла вон, – негромко велела княгиня, и холопка, мгновенно потупясь, бесшумно исчезла за дверью. Княгиня молча повела рукой, приглашая воевод сесть. – С чем пожаловали, господа гридни.

Воеводы вновь озадаченно переглянулись – они определённо не знали с чего начать, и княгиня нахмурилась.

В молодечной стояла тишина, и воевода Рах с порога понял – что-то случилось. И почти тут же увидел глаза Орлича – молодой вой, только перед самым походом на Варяжсье Поморье опоясанный, глядел мало не со слезами. Остальные сумрачно молчали.

– Что за тишина? – непонимающе спросил Рах, и почти тут же Орлич с обидой спросил:

– Это что ж такое делается, воевода? – а вой за спиной поддержали его согласным гулом. – Что за мир такой заключили, что за ряд, если князя в полоне остались?!

Вон оно что, – понял Рах Стонежич. Поискал взглядом, куда сесть, и, не найдя свободного места, остался стоять. В молодечной было полно народу, почти все гридни и даже с десятков опоясанных воев, отмеченных гривнами за храбрость – и кривичи, и варяги, и лютичи. Не было только отроков и большинства воев, а то бы никакая молодежная не вместила полутысячную дружину Rogволода.

– Не молчи, воевода, – прогудел чей-то голос, в этот раз это был уже не Орлич, говорил человек постарше. Рах вскинул глаза, враз угадав – ну конечно, Мстивой Серый, вожак варягов, когда-то служивший Блюссо.

С ума сойти, – ахнул про себя Рах, – это когда-то было всего лишь в прошлом году, а кажется, что уже лет десять прошло, и я знаю этого варяга давным-давно, а иной раз мнится, что и с отцом его, Людевитом, не раз мёды пивали...

– Что ты хочешь от меня, Мстивой Людевитич? – устало спросил он. Мстивой, наконец поняв безлепицу происходящего, свирепо глянул на воев, и варяги мгновенно потеснились, освобождая для воеводы часть лавки. – То-то же, – проворчал воевода и сел, закинув ногу на ногу. – Ну?

– Чего – ну? – медленно свирепея, переспросил Мстивой. – Тебе вопрос задали! Почему мир заключили, если князя в полоне остались? И в первую голову – наш Rogволод Всеславич?

– О том бы не у меня спросить, – хмуро ответил Рах. – Не я тот ряд заключал, не мне и ответ перед вами держать.

– А что ж ты думаешь, и спросим! – стукнул кулаком по колену Сташко, ещё один варяг, а сидящий рядом с ним Богуш, названный брат Rogволожей княгини Боримирь-Сванхильд (его пустили на совет гридней как исключение, только за то, что княжский ближний, мало не родич), вздрогнул и сразу же согласно кивнул.

Спросим.

Несколько мгновений Рах раздумывал над тем, что услышал, а потом рывком поднялся на ноги.

– А пошли, спросим! Кто со мной?

Вои разом загалдели – пойти к княгине хотел мало не каждый. Но крики разом утихомирил зычный голос Мстивоя Серого:

– Ша!

Шум постепенно смолк.

– Ша, я сказал! – повторил Мстивой Людевитич. – К княгине с Рахом Стонежичем пойду я!

На том и порешила дружина.

– Значит, ответа с меня требовать пришли, – произнесла княгиня с расстановкой. В её голосе ясно было слышно недоверие. Воеводам бросились в глаза трепетно расширившиеся тонкие вырезные ноздри княгини. И уже только потом – суженные, горящие гневом, глаза. – С меня... с княгини...

А с княгинь ответа требовали, и с князей! – метнулось в голове заполошно. – Иным, бывало, и путь указывали, зря ты, княгиня, спесь свою тешишь.

– Нет, госпожа, – отверг Рах, и Мстивой покосился на него с лёгким удивлением. А Рах продолжал (видно было, что эта мысль пришла к нему только что). – Мы тебе сказать пришли, госпожа Бранемира Глебовна. Ты, вестимо, вольна в княжестве распорядиться как хочешь, и мир заключать хоть с кем, и войну объявить хоть кому, а только вот нам, дружине сына твоего, ты указывать не вольна.

Бранемира несколько мгновений глядела на воевод, не в силах понять, о чём говорит Рах, а Мстивой, мгновенно всё поняв, только хлопнул его по плечу:

– Ха! Добре придумал, брат-воевода!

– Ты хочешь сказать... – начала Бранемира, смутно догадываясь.

– Да, госпожа! – воевода глядел исподлобья. – Если ты замирилась с Ярославичами и не спросила нас, дружину, оставила в полоне своего мужа и сыновей, то мы, дружина твоего сына Роголода, вольны сами вызволить своего господина из полона.

Гнев в глазах княгини из огня стал пожаром.

– Ты забываешься, воевода! – грянуло в GRIDнице, и Вайва, вздрогнув, отскочила от двери. Не от страха – просто как бы воеводы не бросились от гнева госпожи наружу, да не поняли бы, что она подслушивает. Экая была бы досада – попасться в самом начале.

Кезгайло смотрел так, словно знал про неё всё.

– Как ты оказалась здесь?

Сначала, когда Кезгайло перехватил её около птичника, и, ухватив за руку, втащил в закуток между клетями, она думала, что вой из дружины новгородского посла просто хочет пощупать понравившуюся холопку великой княгини. Трава в закутке была вся вытоптана сапогами и поршнями миловавшихся здесь в разное время парочек, да и сама Вайва не раз и не два тут бывала. Но вой только приобнял её за спину, так, чтобы у увидевшего их снаружи, не было сомнений в том, что тут происходит, и не спешил развязывать поясок.

И в этот миг она вдруг поняла, что он говорит с родным ей литовским выговором. Так же, как говорит и она сама.

Она попала в полон ещё девчонкой во время очередной войны между литвой и Полоцком, родные её погибли, выкупа за неё никто не дал, и Всеславля княгиня забрала понравившуюся девчонку к себе в княжьи холопки.

– Из какого ты рода?

Она не помнила. Помнила только, что жили они на берегу большого озера.

– Озёр в наших краях множество, – сказал он насмешливо.

О, она нашла бы СВОЁ озеро, обязательно бы узнала и сосновый бор, куда бегала за грибами и ягодами, и овраг, в котором, по слухам, ночами хороводилась нечистая сила, на которую с замиранием сердца ходила посмотреть ребяшня, готовая стрелой метнуться прочь от каждого шороха, и священную берёзовую рощу на другом берегу, где вайделотки приносили жертвы и хранили священный огонь, кормили молоком мудрых змей.

– Я мог бы помочь тебе выбраться домой, – сказал Кезгайло словно бы между делом. Рука его поглаживала девушку по спине, и Вайва невольно чувствовала, как её охватывает желание. Но слова воя заставили её обо всём забыть.

Он не может её обмануть. Зачем? Чтобы добиться того, чего вои от девок извечно хотят? Но она холопка, а у холопок согласия не спрашивают, и незачем обещать им золотые горы.

– Но ты должна помочь мне, – закончил Кезгайло, распуская, наконец, узел на её плетёном пояске.

О, она согласна! Согласна на всё!

– Но мне надо знать, кто приходит к твоей госпоже из полоцких вятиших, о чём они говорят, что они замышляют против Киева... – жарко шептал он ей на ухо, прерывисто дыша, пока его жадные руки шарили по телу холопки, и когда мучительная судорога пронзила всё её тело, она вскрикнула:

– Да, я поняла! Да!

Но воеводы не побежали.

Вайва уже шагнула было обратно к двери, но услышала шаги на лестнице и отпрянула. Вовремя! На верхней ступеньке стояла Боримира, старшая невестка Всеслава и Бранемиры, жена Рогволода, старшего княжича. *Варяжка*. Стояла и смотрела на неё, Вайву, вцепясь в *белясник*.

– Подслушиваешь, змея? – спросила она бесцветным голосом. В её словах ясно звучал Боримира варяжский выговор, в Полоцк Боримира попала только весной, всего полгода назад. – Вынюхиваешь?

Она спустилась на несколько ступеней.

– Для кого вынюхиваешь? – Боримира повысила голос. – Для Мстислава альбо сразу для Изяслава киевского?!

Колени Вайвы подкосились от страха, но она понимала – сознаваться нельзя. *Батоги* – пожалуй, самое меньшее, что её ждёт. И уж о возвращении домой точно придётся забыть.

– Ну?! – плетью хлестнул голос Боримиры.

– Нет, госпожа, – дрожащим голосом ответила холопка. – Я... я только хотела спросить у госпожи, не нужно ли чего. У Бранемиры Глебовны гости, воеводы твоего мужа, госпожа...

– Вот как?! – Боримира вмиг забыла о провинности холопки, быстро пробежала остальные ступени и протянула руку к двери. А Вайва, чтобы не испытывать судьбу, тут же бросилась из сеней наружу, на крыльцо. Того, что она узнала, уже много. Остальное выясняется потом.

– Стало быть, вы и меня хотите оставить? – Боримира упёрла руки в бока. Возможно, для кого-то эта молоденькая женщина выглядела бы сейчас смешно. Но обоим воеводам было вовсе не смешно.

– Ты – в безопасности, госпожа, – ответил Мстивой Серый, опустив глаза. – А твой муж – в полоне.

Гроза в гриднице уже стихла. Выпустив первый гнев, княгиня Бранемира успокоилась, а воеводы, поняв, что перегнули, тоже сбавили пыл. Но только начался разговор по делу, как из сеней в гридницу ворвалась Боримира, и услышав, о чём идёт речь, потребовала ответа.

– Что вы собираетесь делать? – подавленно спросила Боримира. Возразить ей было нечего.

– Надеюсь, вы не собираетесь пойти напрямиком на Киев? – холодно бросила старшая княгиня.

– Я думаю, против Чернигова разумнее будет действовать с помощью вятичей, – гридень Рах говорил так, словно понял это только сейчас. – Ни князь Ходимир, ни твоя дочь, госпожа, не подписывали никакого ряда с Киевом или Новгородом.

– А ты всё опасешься, госпожа княгиня, что мы нарушим твой драгоценный мир? – ядовито спросил Мстивой прежде чем Рах успел его остановить. Ему, варягу, было ни к чему блюсти вежество даже и перед матерью своего господина.

– Опасаюсь, да... – отстранённо сказала княгиня, глядя прямо перед собой, словно никого не видя и не слыша. – Опасаюсь.

Потом она подняла голову, взгляд её источал мороз.

– Я больше не задерживаю вас, воеводы.

Когда воеводы ушли, княгиню вдруг затрясло. Зубы стучали по краю *каповой* чаши с мёдом, поспешно налитой и поднесённой невесткой. Потом её, наконец, отпустило, и княгиня разрыдалась. А *варяжка* сидела рядом, обняв её за плечи, и утешала, гладила по плечу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ НАЧАЛО ИГРЫ

1

Соколко дурно переносил воду, поэтому с лоды его пришлось сводить с уговорами и увещаниями – конь *уросил*, храпел и пятился, выглядел усталым, словно на нём всю ночь *дворовый* воду возил. Хотя какой на лодье *дворовый*... Впрочем, какая-никакая нечисть на лодье должна быть, наверное. Подумав так, Несмеян озадачился и зарёк себе на будущее спросить у кого-нибудь из корабельщиков. У кормчего княжьей лоды, с которой он сходил на берег сейчас, спросить было уже некогда. Ни ему самому, Несмеяну, ни кормчему Нечую. Хотя как раз кормчий-то должен знать – он и по рекам ходил на лодье не раз, и на Волчьем море в прошлом году с Рогволодом Всеславичем изрядно солёной водицы похлебал.

На твёрдом берегу конь быстро освоился, и взбодрился, уже вскоре Несмеян вскочил верхом и поехал вверх по Боричеву взвозу, провожаемый глазами корабелов, *дрягилей* с *вымола*, торговцев, калик и просто досужих зевак.

В Киеве Несмеяну доводилось неоднократно бывать и ранее. Ещё во время достопамятного похода на торков семь лет тому. Да и раньше – тоже. Ещё когда Всеслав Брячиславич был совсем юным князем (только-только ещё сел на полоцкий престол после смерти отца), а он, Несмеян – ещё не гриднем, а совсем зелёным отроком при князе. Всея чести и величия только и было, что его отец привёз Брячиславу Изяславичу весть о рождении сына, а он, Несмеян, родился в один день с Всеславом.

Киев с тех пор (хоть с торческого похода, хоть с юношеского быванья) изменился не сильно.

Прибавилось домов на Подоле и Оболони, прибавилось церквей, которые золотыми головами подымались над городскими стенами и на Подоле, и на Горе. Несмеян при виде их только дёрнул усом – вспомнился Полоцк, над которым тоже высилась каменная громада Софии, заложённой ещё Брячиславом-князем. Теперь, когда Всеслав Брячиславич был в полоне, новгородский князь настоял, чтобы княгиня Бранемира дозволила освятить пустеющий собор и проводить в нём службы.

Впрочем, ни епископа, ни кого иного из киевских да новгородских пастырей княгиня в Полоцк не пустила всё равно – в городе есть-де софийский протопоп Анфимий, вот пусть он в соборе службы и правит.

Он и правил. Хотя ему, Анфимию, с каждым годом делать это становилось всё труднее – старик помнил ещё князя Брячислава, молодым помнил.

Ладно.

Дай срок, воротим князя из полона на престол, тогда и посчитаемся с христианами полоцкими – Несмеян отлично помнил, через кого пал перед Ярославичами Менск, а значит и через кого погиб его тесть.

Иной раз казалось, что с тех пор невестимо сколько лет прошло. А на деле – и полгода-то едва миновало, в эту зиму Менск пал, и на Немиге в эту зиму бились, как раз полгода назад.

Брячиславль двор был в Русской земле не один. Опричь того двора в Берестове, где сейчас сидел под стражей пленный полоцкий князь, был ещё один двор, поменьше – около самого *детинца*, на Киевской горе, у Боричева взвоза.

Туда Несмеян и ехал.

Ворота двора оказались закрытыми – и это было странно. Кто ж на богатом дворе днём ворота на запоре держит. Несмеян придержал Соколка, оглядел ворота и высокий бревенча-

тый заплот испытующим взглядом, словно прикидывая, сможет ли он через него перелезть и сколько это займёт времени.

Заострённые полуторасаженные *пали* заплота глядели хмуро, словно говорили: «Ну-ну, попробуй...». Где-то в глубине двора над заплотом возвышалась *гонтовая* кровля терема. И тихо было на княжьем дворе. Не лаяли собаки, не было слышно голосов *челяди*, только едва ощутимо тянуло дымом из очага. «Небось, там слышно как мухи летают» – ехидно подумал про себя Несмеян. К кому относилось его ехидство, он пока что и сам не знал, хотя и понимал, что такое – неспроста.

Подъехал ближе, примерился к воротам кулаком, но передумал – тяжёлые плахи, туго стянутые железными полосами и пробитые заклёпками, внушали уважение и лёгкий трепет. Мало не крепостные. Кулак отобьёшь. Стукнул рукоятью плети. Подождал несколько мгновений и стукнул ещё раз.

– Ну чего стучать-то?! – послышался сверху сиплый недовольный голос, и над воротами показалась человеческая голова – из-за ворот, видимо, стоя на чём-то высоком (может быть, на приставной лестнице), выглядывал коренастый *середович* в нахлобученной по самые уши валяной шапке, полусонно мигал и спесиво топорщил короткую русую бородку, разглядывая приезжего.

– Ну? – бросил он неприязненно. – Чего надо?

– Отворяй, – велел Несмеян сдержанно. По правде-то говоря, его так и подмывало вытянуть этого «сторожа» как следует плетью, и, услышав его голос, *гридень* так и собирался поступить, но сонный мужик его своим видом рассмешил, и гнев поутих.

– Чего это вдруг? – «сторож» (а может, это не сторож вовсе? – подумал вдруг Несмеян) и не подумал пошевелиться. – Кто ты есть таков, чтобы тебе отворять?

– А ты не забывайся, холоп! – *гридень* чуть возвысил голос. – Не с *каликой* безродным говоришь!

– А мне отсюда не видать, кто ты есть таков, – равнодушно ответил «сторож», вновь даже не почесавшись, чтобы двинуться к засову. – Хоть ты и сам цареградский кесарь будь.

– Зарываешься, киянин! – Несмеян окончательно убедился, что этот «сторож» – на деле никакой не сторож. И власть на Брячиславлем дворе – отнюдь не в руках кривской челяди. Впрочем, иного и ожидать было бы глупо. – Это что же, посол полоцкой княгини на улице будет ночевать? Или на постой к кому-нибудь станет, как безродный? Гляди, не вспомнить бы киянам потом Чернобыль да полоцкие полки под монастырями.

Лицо «сторожа» передёрнулось, словно полочанин наступил ему на любимую мозоль. На миг Несмеяну показалось, что киянин сейчас в него хотя бы плюнет, но ждать ничего подобного *гридень* не собирался.

– Ладно, сучий потрох, – процедил он. – На себя пеняй потом.

Стремительно свистнула плеть, хлестнула по воротному полотну, оставив пыльный след всего в нескольких вершках от лица «сторожа». Тот отшатнулся, скрылся за воротами; Несмеян услышал смутный грохот – видно, «сторож» там, за воротами, загремел с лестницы. Толчком ноги *гридень* подогнал Соколка ближе к *верее*, рывком встал в седле на ноги. Подошвы сапог скользили по выглаженной *гридневым* задом седельной коже, но Несмеян уже ухватился за острые верхушки *палей*, лёг на заплот животом, жарко молясь в душе – только б не вздумали стрелять! Одной стрелы хватит, чтоб всё прахом пошло.

Стрела не прилетела.

Несмеян гибко перевалился через заплот и, упруго, по-кошачьи, выгнувшись, упал с полуторасаженной высоты в пыльную траву двора. Упал на корточки, почти тут же выпрямился, хватаясь за рукоять меча.

Не ошибся.

«Сторож» уже сбросил с головы шапку (а может, и сама слетела, когда падал – наметанный взгляд Несмеяна отметил валяющуюся в траве и пыли у самых ворот лестницу) и теперь уже ничем не походил на сторожа. На нём были посконные штаны и рубаха, грубая суконная свита, но небелёное серое полотно и сермяга были почти незаметны – в первую очередь в глаза бросались серебряные обручья на запястьях, витая гривна на шее, широкий кожаный пояс с серебряными чёрнёными накладками и длинные ножны цвета старого дерева с серебряными же накладками. С бритой головы «сторожа» свисал на ухо длинный *чупрун*, а в руках он держал длинный меч, такой же совершенно, как и у самого Несмеяна, и неяркое осеннее солнце играло слюдяными отблесками на плетёном *укладе* клинка.

Вой. А то и гридень. Хотя гридень – вряд ли. Не князя сторожит.

– Ловок, – процедил киянин, не двигаясь с места. – Ничего не скажешь.

Понятно стало, почему киянин нахлобучил шапку так глубоко – чтобы скрыть до времени от Несмеяна бритую голову и *чупрун*. А обычай носить бороду утверждался среди киевских воев уже с полвека.

Киянин двинулся к Несмеяну чуть пританцовывающим шагом, но тут откуда-то справа, от княжьего терема раздался ленивый голос:

– Брось, Борисе...

Вой замер на мгновение, а голос продолжал:

– Наш это, полочанин. Гридень Всеславль, Несмеян Нечаевич. Наверное, и впрямь посол от княгини.

Борис дёрнул усом, несколько мгновений молча разглядывал Несмеяна, потом кивнул и бросил меч в ножны. И только тогда Несмеян отпустил мечевой *черен* и глянул в сторону крыльца. И остолбенел. Потому что на ступенях крыльца, лениво-расслабленно опираясь локтем на резной балясник, стоял кривский боярин Бермята.

На дворе вдруг стало тихо, только лёгкий ветерок колыхал засохшие кустики крапивы и полыни в углах двора да шуршал по камышовым кровлям клетей и конюшен.

К вечеру посвежело и в отволочённые окошки потянуло холодком с Днепра.

В очаге потрескивали дрова, густой дым тянуло вверх, вымётывало в обмазанный глиной проём меж двух стропилин. Бермята шевельнул в огне кривой кочергой, роем взвились тёмно-багровые искры. Боярин удовлетворённо кивнул и сел на лавку, опёрся локтем на стол. Покоился на плещущуюся в чаше тёмную влагу, в которой плавали чешуйки воска, отворотился.

– Так я и не понял, Бермято, – Несмеян покачал головой, забросил за ухо *чупрун*. – Ты в полоне или как?

– Намекаешь, что продался я киянам? – хмуро спросил Бермята, тяжело глядя на *гридня*. Пальцы боярина сами собой сжались в кулаки, казалось, он сейчас ринет на Несмеяна, целясь кулаком ему в бритую челюсть. Гридень смолчал, и кулаки боярина разжались.

– В полоне я, в полоне, – сварливо ответил он. – За два месяца ни разу за ворота не выпустили. Еду с княжьего стола привозят, прислугу кривскую оставили, а кияне только и зыркают, как бы мне кто чего не передал. Вроде как слушают меня, а всё одно...

– Небедно живёшь, – не подумав, заметил Несмеян, и Бермята опять вскипел. – Ладно, ладно, не злись, я это без задних мыслей. А почему бы они к тебе такие добрые, не думал?

– Думал, – бросил Бермята нехотя.

– Ну и?

– Мне кажется, они не знают, что им со мной делать, – негромко сказал боярин, косясь на дверь. – Да и с Брячиславичем тоже...

– Думаешь, можно его без крови из полона вытянуть? – поднял бровь Несмеян.

Бермята только пожал плечами в ответ.

Вестоноша за Несмеяном приехал с утра, едва рассвело. Совсем ещё мальчишка, отрок княжьей дружины, он глядел так, словно вместо полоцкого *гридня* перед ним было пустое место, слова цедил сквозь зубы.

Ладно. Приглашение передано, надо ехать на Гору. А мальчишка... что ж. Трудно было бы ждать чего-то иного. Может, ему так приказали, может, у него кого-нибудь на Немиге или в Менске полочане убили – отца или брата старшего. Может, он, Несмеян, и убил даже.

Война есть война.

Княжий двор был вымощен тяжёлыми дубовыми плахами, плотно пригнанными друг к другу – ножа не просунешь. Соколко ступал подковами словно по вымытому полу.

У крыльца Несмеян спешился, бросил поводья подбежавшему холопу, бросил взгляд на высокое крыльцо – строенное по-русски, в *резж*, прикрытое широкой двускатной кровлей, оно чуждо и странно смотрелось около каменного терема, строенного приезжими греками ещё при княгине Вольге. Впрочем сам терем не менее чуждо смотрелся на княжем дворе: сложенный из ровно отёсанных камней, с протёртыми глиной и известью швами, с полукруглыми высокими окнами, крытый черепицей – на мощёном дубом и окружённом рублеными стенами широком дворе, с крытыми *гонтом*, тёсом и камышом кровлями надворных построек.

На крыльце стояли и сидели киевские вои – человек пять. При виде Несмеяна они немедленно оживились – видно было, что им скучно, а тут полочанина бог принёс на забаву.

Вестоноша споро протоптал по ступеням и пропал в широких сенях терема. А вои вмиг оказались около Несмеяна. Не все. Трое. Два остались на крыльце – мало ль чего взбредёт в голову этому полочанину.

– О, глянь-ка, братове, полочанин...

– А это у него что, никак конь?

– А я думал, осёл.

– Нее, ты чего. Они ослов в глаза не видывали, они больше на лосях верхом, как ижора да чудь...

– Понимал бы... это князья на лосях ездят. На всех лосей разве напасёшься?

– А вои как же?

– А они на жабах, в своих болотах-то, не иначе.

Несмеян молчал, словно и разговор киевских воев, и поднявшееся жеребьячье ржание его совсем не касались. Впрочем, вои предусмотрительно держались так, чтобы полочанин не мог достать их всех троих разом – должно быть, уже знали, кто он такой, и что это именно он на Немиге убил в поединке новгородского витязя Яруна. Хотя и понимали, что вряд ли посол сейчас начнёт драку альбо ссору.

Скрипнула дверь, из сеней на крыльцо вынырнул *вестоноша*, всё тот же.

– Великий князь Изяслав Ярославич хочет видеть полоцкого посла, – по-прежнему высокомерно процедил он и отступил в сторону, придерживая дверное полотно. Глядел он по-прежнему над головой полочанина.

Под ногами не скрипнула ни одна ступень – добротные пригнанные толстые доски не шелохнулись под сапогами полочанина. Несмеян переступил порог и оказался в полутёмных сенях. Угадал шевеление в дальнем углу, тускло блеснул клинок, лязгнуло железо. Острой иглой кольнул мгновенный лёгкий страх – вот сейчас его зарубят или зарежут, как Ярополка-князя закололи девяносто лет тому. И почти тут же страх прошёл.

Не зарубят и не зарежут.

Незачем.

Кто князь и кто он?

Пугают.

– И чего же хочет дочь моя, княгиня Бранемира? – великий князь смотрел на Несмеяна странным взглядом, в котором мешались равнодушие и любопытство. А постарел Изяс-

лав Ярославич, с неожиданным для себя сочувствием подумал Несмеян. Он знал, что великий князь был старше Всеслава (а значит, и его, Несмеяна, тоже) на пять лет, но выглядел, пожалуй, ещё старше.

Власть старит, или как?

– Княгиня полоцкая Бранемира Глебовна просит освобождения боярина Бермяты и разрешения доставлять письма её мужу, князю Всеславу Брячиславичу.

Сидящие на лавках в *гриднице вятские* негромко взроптали.

– Нет, – после короткого молчания ответил Изяслав, и ропот умолк. Великий князь чуть дёрнул щекой, едва заметно, так, чтобы видели только самые ближние, такие как Тука да Чудин. Никак дружина возомнила, что он собрался уступать домогательствам полочан? Не только князь кормит дружину, но и дружина кормит князя. – Княгиня хочет слишком много – нигде и никогда не дозволяется узнику сообщение.

– Ну хотя бы освободить Бермяту, – не дрогнув голосом Несмеян. – Боярин будет жить всё там же, на Брячиславем дворе, но не под стражей. Он будет постоянным послом, здесь, в Киеве.

Вятские вновь загудели, на этот раз удивленно. Полоцкая княгиня предлагала что-то невероятное, такое, чего никогда не бывало прежде. Да и зачем нужен постоянный посол?

Князь думал.

Понятно, почему Полоцк прислал именно Несмеяна. *Гридня* знают многие, знают, что это близкий к Всеславу человек. И поединок его с Яруном на Немиге у всех ещё на памяти – едва полгода прошло. Бранемира намекает и угрожает, но мягко и ненавязчиво.

Собственно, выпустить Бермяту можно, почему нет. Сноситься с Полоцком действительно будет легче.

Несмеян думал тоже.

Кажется, Изяслав и впрямь не прочь примириться с женой двоюродного полоцкого *сыновца*, госпожой строптивного Полоцка. Вот только они, полочане, вовсе не намерены входить в желания великого князя. Он, Изяслав Ярославич, после нарушения клятвы в Орше, им, полочанам, и вовсе не указ. У них свой природный кривский господин есть. А то, что он в полоне сейчас, так это дело поправимое, много раз и ранее в полоне государи бывали.

Изяслав, видимо, наконец, додумав, согласно склонил голову.

2

Лодья плавно подвалила к вымолу, мягко стукнула бортом, поверх которого висели толстые мочальные жгуты, о добротном сложенный из брёвен причал. *Дрягили* подхватили брошенные на вымол верёвки, подтянули лодью ближе – вытягивать её на берег хозяин не собирался – всё равно скоро дальше к Каспле бежать. Носовая палуба ощутимо дрогнула под ногами, и Исаак переступил, сохраняя равновесие. А потом, дождав, пока лодья не замерла, наконец, притянутая к вымолу, прыгнул на причал. Ждать, пока перебросят сходни, не хотелось.

Княжий *тиун*, ставленный на Вержавль ещё Игорем Ярославичем, махнул рукой – он, как обычно, ждал чуть в стороне, на берегу, словно брезговал ступить добротными сапогами на тёсаные плахи *вымолы*.

– Исааку!

– И ты здравствуй, тиуне, – приветливо отозвался купец. Задержался на мгновение, проследив, чтобы дрягили прочно привязали лодью, потом повернулся и полез по широкой тропе на берег. *Тиун* Викула был его давним знакомцем, а уж после того, как Исаак поставил в Вержавле двор (больно уж место удобное для купца, хоть водой, хоть горой в любую сторону иди, волок рядом, Днепр и Двина тоже) они и вовсе стали почти друзьями. Поднялся на угор, остановился рядом с *тиуном*, глянул через плечо – понять, на что там любитесь Викула. Пологий

берег озера, всё ещё зелёный от отавы, неприметно переходил в рыжие поля, густо уставленные *суслонами* сжатого хлеба, и перелески, тоже рыжие от жёлтой и красной листвы, уже начинающей понемногу сереть по осенней поре.

Исаак коротко вздохнул. Осень подошла незаметно, и скоро, того и гляди, уже вытягивать лоды на берег, да пережидать распутицу и ледостав, чтобы по зиме опять везти товар, санным путём по речному и озёрному льду, да по зимним волокам от реки к реке.

Такова вся жизнь купеческая.

И даже сегодня он надолго в Вержавле не задержится – жену обнять, один товар выгрузить, другой погрузить (за ночную погрузку *дрягилям* уплачено), вина выпить – да и обратно на лодью, успеть до ледостава сбегать хотя бы в Киев.

– Как сходил-то, Исааче? – не дал надолго задуматься Гектодромосу тиун.

– Да вроде неплохо, господь славен и милостив, – Исаак перекрестился, покосился на тиуна и добавил. – Я там поминочек тебе привёз, Викуло, то, что ты просил для дочки своей... сейчас холоп принесёт.

Тиун только склонил голову с благодарностью, спросил, помолчал:

– В какие края бегал в этот раз-то?

– К булгарам да в Ростов.

– Домой сейчас?

– Ну да, – Исаак улыбнулся. – Месяц дома не был.

В сумерках то и дело звучно падали с веток яблоки, и Колюта беспокоился только об одном – чтобы домочадцам Исаака не взбрело ввечеру пойти эти яблоки пособирать. Но обошлось.

Когда сумерки сгустились так, что из сада едва можно было различить, где кончаются стены дома и начинается заплот, Колюта трижды негромко крикнул дикой уткой. И полумрак ожил, задвигался едва заметными тенями, которые, ловко продираясь между кустами, выползли из малинника под яблони. И почти тут же Колюта крикнул вновь, – и тени замерли.

Около *стодолы* на освещённой луной пашне *репища* было заметно едва различимое шевеление. То ли пьяный в борозде валялся, то ли ребёнок играл. Колюта замер, охваченный странным чувством, таким, словно его коснулось что-то потустороннее, что-то иномирное, хотя и не смог разглядеть, что это такое. Может, *дворовый* какой непорядок увидел и решил исправить... а может, оборотня из леса принесло. До осенних Дедов, после которых начинается разгул нечисти, было ещё долго, иначе они уже увидели бы не одно существо с Той стороны. Колюта взгляделся и, наконец, смог разглядеть копошащееся существо – ростом с трёхлетнего мальчишку, но широкоплечий и кряжистый.

Вглядываясь, гридень неосторожно шевельнулся, и существо, словно что-то почуяв, вдруг замерло в лунном свете, приподняв косматую голову, на которой из длинных, свалывшихся волос торчат острые мохнатые уши, то ли конские, то ли волчьи, не разберёшь. Несколько мгновений *дворовый* напряжённо вслушивался, потом вдруг невнятно фыркнул, лягнул зубами и метнулся к *стодоле*, исчез в тени.

Выждав несколько мгновений – нет, переполоха не поднялось, – Колюта опять трижды крикнул, пять теней за его спиной снова сдвинулись с места, подползая ближе к *стодоле*, за которой лежал широкий двор, освещённый луной.

Ключник Исаака Гектодромоса Векша несколько мгновений разглядывал висящую над садом полную луну, потом затворил калитку и задвинул засов. Где-то над улицами Вержавля раздавались голоса молодёжи – им и осень не в осень. Векша вдруг оборотился, привлечённый необычным поведением пса – здоровенный фризский волкодав рычал и, глухо взлаивая, вертелся около будки, словно зачужал в саду кого-то чужого.

Векша несколько мгновений постоял, раздумывая, не спустить ли пса, потом хлопнул в ладоши, подзывая холопов. Оба подбежали, являя на лице готовность служить.

– Гляньте-ка, кто там, – Векша кивнул на сад. – Если что, спустите Волчка.
И двинулся к крыльцу. Холопы кинулись в сад.

Векша уже почти дошёл до крыльца и занёс ногу над первой ступенькой, когда почувал что-то, и миг осознал, что именно. Холопов слышно не было, а пёс уже рвался с привязки с хрипом. Крутанувшись на пятке, Векша оборотился как раз вовремя, чтобы увидеть ИХ. Время словно замедлилось; три тени медленно перелились через плетень. Трое в стёганных латах и шеломах, в берестяных *скуратах* на лице.

Время вновь обрело свой привычный бег, трое приземлились в траву двора на полусогнутых ногах, и в этот миг Волчок небывалым усилием оборвал привязку и ринулся на чужаков. Крайний чётко и стремительно поворотился, сверкнул отполированный до блеска клинок, и пёс свалился в траву с рассечённой головой, хлестанула кровь, в сумерках совершенно чёрная.

И только тут, когда трое преодолели половину расстояния от плетня до крыльца, Векша очнулся и мгновенным озарением понял, что у него нет в руках и поблизости ничего, что могло бы хоть как-то сойти за оружие. Рванулся в дом, но едва успел дотянуться рукой до дверной скобы. Тупой удар в скулу настиг его у самой притолоки, и Векша, даже не успев открыть дверь, свалился на крыльцо и обеспамятел.

Трое остановились над *ключником*, и Колюта процедил, кивая на дверь:

– В дом. Проверить. Всех связать и заткнуть рот.

Двое ринулись в сени, а Колюта чуть помедлил, оглядываясь по сторонам, и вытащил тонкий кожаный шнурок. Сноровисто и быстро связал валявшегося на крыльце Векшу и втащил его в сени. В избе кто-то вскрикнул и затих, потом дверь отворилась, и из сеней высунулась голова, жутковато белея берестяной *скуратой*.

– Готово, старшой!

– Кто там кричал? – недовольно бросил в ответ *гридень*.

– Баба успела крикнуть, – вой спокойно огляделся по сторонам, спустился с крыльца. – Пришлось вязать её жёстко. Мальца захомотали тоже, даже пальца ему не повредили. Больше в избе никого не было.

– Добро, – обронил Колюта. – Ступай, сторожи.

Вой вновь перемахнул через плетень и скрылся в садовом малиннике, а Колюта быстро обвёл взглядом двор – всё подчищено, зарубленного пса убрали, кровавое пятно прикрыли наскоро скошенной травой из сада. Наткнулся на колючий взгляд откуда-то из *стодолы* (*дворовый* глядел на пришельца недружелюбно, но в человеческие дела лезть не собирался), вздрогнул, потом усмехнулся, качнув головой и гибко скользнул в сени, а потом и в *жило*.

Очнувшись, *ключник* Векша увидел над собой вместо лица жутковатую харю, побледнел от ужаса и только потом сообразил, что видит над собой обычного человека в берестяной *скурате*.

– Как звать? – прошипел из-под *скураты* голос.

– Векшей кличут.

– Так вот, Векша, – *ключник* заметил, как в прорези *скураты* блеснули зубы. – Мы тут, пожалуй, задержимся надолго, так что тебя и хозяйку твою придётся развязать. И не вздумай убежать – от нас ещё никто не убежал. Договорились?

– Д-договорились.

– Вот и хорошо, – чужак сделал резкое движение рукой, и Векша почувствовал, что рукам его стало легко. – Не будешь шебуршиться, Векша, – оставим в живых. И может, даже вольную получишь. Понял ли?

– Понял, – *ключник* отвёл глаза.

Нет такого холопа, который при всей своей верности господину, хоть на миг не мечтал бы стать вольным.

Второй чужак хлопал меж тем, по щекам жену хозяина. Наконец, она открыла глаза, глянула на него свирепо и вдруг села рывком, оттолкнув чужака в *скурате* прочь. Он отскочил назад почти на сажень, и в его руке блеснул короткий нож. А баба, меж тем, не сводя глаз с его чуть отведенной назад руки, медленно отползала по лавке в угол, подобрала под себя ноги и не обращая внимания на стыдно задравшийся подол.

– Не бойся, без нужды не убью, – сказал чужак, скалясь насмешливо. – И сокровищ твоих бабых не трону. Если тихо будешь сидеть, да всё, что я велю, сделаешь как надо.

Он убрал нож и, присев на лавку, вытянул ноги:

– Ты жена Исаака Гектодромоса?

– Ну и что? – бросила госпожа враждебно, и Векша даже позавидовал её храбрости – а ну как убьют страшные чужаки?

– Да или нет? – холода в голосе чужака прибавилось.

– Да.

– Звать как?

– Зоей прозвали.

– Гречанка? – в голосе чужака вдруг на миг прорезалось любопытство. Хозяйка смолчала. – Малец чей? Твой?

Зоя метнула настороженный взгляд в угол, туда, где лежал связанный сын Исаака. Облизала пересохшие губы.

– Ну?!

– Мой, – выдавила она, наконец.

– Вот и отлично, – чужак в *скурате* повернулся к своим и кивнул на господского сына.

Связанного и завёрнутого в рогожу, его проволокли через сад и, перекинув через плетень в глухой переулочек, навьючили поперёк конской спины. Ожидавшие там же двое верховых, переодетых степняками, сразу настегнули выючного коня и помчались прочь из погоста.

На дворе почему-то было тихо, и купец насторожился. Даже Волчок не лаял, не слышно было никого из слуг... вестимо, уже вечер, и сумерки почти превратились в полную темноту, но это всё равно было странно. Сквозь щели в заволочённых ставнях пробивался тусклый свет, но из дома тоже не было слышно ни звука.

Гектодромос насторожился, поколебался несколько мгновений, потом толкнул рукой калитку. Она отворилась неожиданно легко и это тоже было неправильно – в это время Векша или сама Зоя уже должны были бы запереть калитку на засов, а на попытку её отворить Волчок должен был залиться злобным хриплым лаем, как это обычно и бывало – пёс подавал голос даже на хозяина, отвыкнув от него за время долгих отлучек.

Купец крался вдоль стены, стараясь услышать, что творится внутри, в жиле, но не слышал ни звука. И с каждым шагом душа его стыла всё сильнее, а сердце колотилось всё тревожнее. У крыльца он замер на мгновение, по вискам катился холодный пот, и что-то древнее, то, что старше речи и мысли, старше каких-то примет или слов, прямо таки орало в уши: «Берегись! Берегись!!». Но там, в доме были Зоя и Моше, поэтому купец всё-таки ступил на крыльцо. И почти сразу же почувал, как в поясницу ему упирается что-то острое и холодное, осязаемое даже через суконную свиту, а хриплый голос громогласно прошептал ему на ухо: «Внутрь!».

В избе ему с порога ударил в глаза свет – горел *светец* в бабьем *куте*, горела лампада на *божнице* у образов, горел *светец* и у порога. На лавке в красном углу, поджав под себя ноги и то и дело опираясь *понёву* на колени (Зоя за время жизни на Руси навывкла одеваться русским *побытом* для обычных дел и только к особым случаям вспоминала греческую *сряду*) сидела жена и глядела с лёгким страхом и ненавистью одновременно. А на широкой лавке у окна сидел, полуразвалившись, высокий сухощавый муж в стёганом доспехе и берестяной *скурате* на лице. В прорезях *скураты* мерцали любопытством серые глаза.

Исаак, словно запнувшись, задержался на пороге, но в спину сзади толкнули, и он ступил в *жило*. Неуверенно сделал два шага и замер, так, чтобы тот, в *скурате* не смог враз до него дотянуться. Бросил встревоженный взгляд на жену, но Зоя только отворотилась, судорожно кусая губы.

– Гой еси, Исааче, – бросил чужак из-под личины холодно. Голос был Исааку незнаком, да Гектодромос и не надеялся этого чужака узнать. Не столь уж долго он на Руси живёт, чтобы вот так разом узнавать любого воя (а тот, в *скурате*, был безусловно воем, это видно сразу по движениям и повадкам) по голосу.

– И ты здравствуй, добрый человек, – осторожно отозвался иудей, пытаясь понять, как себя следует вести с этим чужаком, чего он хочет, и кто он такой, в конце концов. Тот несколько мгновений помолчал, потом сказал задумчиво, словно сомневаясь, стоит ли вообще о таком с ним, Гектодромосом, говорить:

– Просьба у меня к тебе есть...

И тут до Исаака начало доходить. Он, не дослушав чужака, резко спросил у жены:

– А где Моше?

– А ты у него спроси! – с провизгом выкрикнула жена, указывая на чужака, но спросить ничего Исаак не успел – получил сзади чувствительный тычок в шею, и охота спрашивать у него вмиг пропала. А чужак метнул на Зою взгляд, от которого она поперхнулась и в страхе зажалась в угол. Она отползла бы пожалуй, дальше, если бы стены не мешали.

А чужак вновь повернулся к нему, Исааку.

– Твой сын у нас, – ровным голосом сказал он. – Ты не бойся, никоторого вреда ему не будет, если ты нам поможешь.

– Кому – нам? – хрипло спросил Гектодромос и сжался, ожидая нового тычка. Но обошлось.

– Этого тебе лучше не знать, – хмыкнул чужак.

– Что я должен сделать?

– Купить усадьбу в Берестове, рядом с Брячиславлим двором. Тебе – продадут, ты у великого князя на хорошем счету.

Купец несколько мгновений молчал, обдумывая. Ему казалось, что он понял, кто это и что им нужно.

– А потом?

– А потом войдёшь в долю с киевским купцом Крапивой. И уступишь ему эту усадьбу. Под склад товаров. Знаешь такого?

– Вестимо, – разлепил Исаак пересохшие губы. В голове гулко стучала кровь, мысли метались лихорадочно, словно исполощённые куры в *стае*. Он понимал, понимал! И помимо воли из глубины души подымалось чувство восторга перед самим собой, понявшим всё, и раскрывшим их замысел, пусть даже и не получится этот замысел подарить великому князю и получить за то льготы в торговле. Хотя ещё как знать. Внешне же он сказал в тоске. – Во что ж вы меня втянуть-то хотите?!

– Ничего, переживёшь, – бросил ему чужак и добавил, только подтверждая подозрения Гектодромоса. – А то как кривский полон за тридевять земель продавать, так ты, небось, первый бросился, а как помочь хорошим людям, так страх одолел...

3

Рах Стонежич растопыренной пятернёй убрал с лица налипшую паутину (по осени пауки то и дело налетали на путников), приподнялся в седле и, не останавливая коня, устало огляделся по сторонам. Дружина растянулась по лесной тропе так, что всю и не обозришь – шутка ль, вести звериными путями почти четыре сотни воев.

И кто только додумался до такого?! – с досадой и неприязнью подумал гридень и почти тут же одёрнул себя, напоминая – а не ты ль, Рах Стонежич, когда порешили из Полоцка уходить, так посоветовал? Усмехнулся криво, сплюнул наземь, где плевок мгновенно затерялся среди опалой листвы и грязи, перемешиваемых сотнями конских копыт в бурю неразличимую кашу.

Поди теперь найди тот плевок, сделай наговор...

Впрочем, наговоров гридень не боялся – для воя лучший оберег против всякого наговора – добрый меч из крепкого уклада, от него любой сглаз и любое колдовство бежит как зверь от огня.

– А чего думать-то?! – стукнул кулаком по колену Мстивой. – Водой и пойдём!

– Куда? – ядовито спросил Рах, и постучал согнутым пальцем по бритой голове. Звук вышел глухой и гулкий, словно стучали по пустой бочке. Вои заухмылялись, пряча улыбки, но гридень не обратил на это внимания. – Это не ваше Варяжье Поморье, где к любому княжеству водой можно добраться без забот! Тут дальше верховьев Двины водой не уйдёшь.

– И что, никаких путей oprичь нет? – бросил худой высокий варяг Твердик, приставивший к Рогволожей дружине на Рюяне.

– Да есть, вестимо, – мотнул головой Рах. – Волоком тащить надо! Из Двины в Днепр переволочься, а там...

– А там хоть вниз до Киева, хоть вверх, до Смоленска, – подхватил Властич.

– Да нет, – сказал вдруг Рах, подумав. – На волоках сторожа смоленская стоит... нас Ярополк Изяславич удавит как хорь курей в дебрях смоленских.

– И что тогда? – спросил Мстивой после недолгого молчания, признавая правоту Раха. Полочанин сдержал язвительную усмешку (как ни старался, а сидела где-то в глубине души лёгкая неприязнь к варягу, после поражения своего господина враз подавшегося на службу к победителю – понимал, что не прав, а всё одно...) и качнул головой:

– Думать надо. Княгиню-то огрубить много ума не надо было, а вот что дальше делать...

Не удержался-таки. И Мстивой ожидаемо тут же возразил:

– А не я один и грубил-то, припомни-ка, Рахе!

– Ладно, ладно, – отступил Рах миролюбиво. – Будем думать.

Думай не думай, а две ногаты не богатство. Иного пути, oprичь как горой, верхами, и нет.

Рах так и сказал. В ответ Мстивой повторил за ним – постучал пальцем по голове. В этот раз вои и вовсе расхмылили, кто-то и сдавленно засмеялся, заперхал – звук был такой же, как и у Раха.

– А горой нас Ярополк, стало быть, не переловит?

– На воде не спрячешься, – возразил Рах. – А в лесах – можно. Вестимо, нас не десяток, не сотня, трудновато придётся...

– Нужен проводник, – сказал Твердик, задумчиво теребя ус. – У вас в Полоцке найдутся? Кто те места знает?

– Найдутся, – Рах поднялся с лавки и обвёл взглядом сидящих в клетки гридней. Глядя на него, гридни тоже стали подниматься на ноги, и Рах повторил. – Найдутся.

Водой дружина Рогволода шла до верховьев Двины, выше Витебска. Потом, оставив лодьи на нескольких полочан, сгрузились на берег и двинулись горой. Тут и пригодились навыки гридня Вълчко, который вёл Рогволожу дружину по самой смоленско-новгородской, а потом и смоленско-ростовской меже, ухитряясь не показаться вблизи жилья, хоть смоленского, хоть новгородского, хоть ростовского.

Шли пешим ходом, плотно утаптывая тропу до твёрдости камня, и Вълчко, глядя на то, как после прохода рати силится подняться лесная трава, качал головой – первый же охотник

откроет их следы и побежит к ближнему тиуну докладывать, что тут рать прошла. И как ему потом возвращаться с его людьми в Полоцк, когда на каждом поприще можно будет ждать засады смолян, новгородцев альбо ростовчан. Особо его беспокоили смоляне – и русь, и кривичи ещё должны были помнить его прошлогодние отчаянные брожения по смоленской волости, и то, как полочане разорили и сожгли касплинский погост.

Жгли костры на лесных полянах, и по лесу, подманивая зверьё и лесовиков, растекался запах каши, сдобренной вяленным и копчёным мясом. Впереди скользили сквозь лесную чащу, возникая то там, то тут, вои из дружины Вьлчко, те самые, которые год тому жгли вместе с ним Касплю.

Валили вековые деревья, загораживая тропу за собой, чтоб больше хлопот было у тех, кто ударится идти следом, оставляли краюшки хлеба для лешего на перекрёстках тропинок, чтобы спутал следы косматый зеленоглазый лесной хозяин, не выдал чужаков. Ёжились от глядящих в спину внимательных нечеловеческих глаз, не враждебных, но и не дружественных. Глядели лесные хозяева, внимательно глядели.

Давно уже остались позади те места, в которых год тому назад гуляли меч и пламя, но Вьлчко не боялся сбиться с пути – ему доводилось бывать в этих краях и раньше, именно он два года тому гонял коней то из Полоцка в Корьдно, то обратно в Полоцк, стовариваясь с князем Ходимиром о его свадьбе с Всеславной.

Солнце уже коснулось ало-золотым краешком верхушек дальних сосен, когда Рах, наконец, махнул рукой, давая знак становиться на ночёвку. Рать уже выбралась из чащобы на пологий берег небольшой реки, отряхивая с себя паутину и отирая с сапог опалую влажную листву.

– Как называется это место? – хмуро спросил Рах, отыскав взглядом Вьлчко.

– Москва, – ответил тот нехотя. – Далековато мы на восток забрались, однако, от смоленских-то дозоров бегаючи.

– Москва... – попробовал слово на вкус воевода. – Это город?

– Река, – Вьлчко махнул рукой в сторону берега. – Река так называется. Может и город когда тут будет такой, кто ж знает. Тут уже вятичей земли.

Трещал в огне валежник, то тут, то там стучали топоры, а из булькающего котла вкусно тянуло кашей и салом.

– Далеко ещё до Корьдна-то? – сумрачно спросил Мстивой, отламывая от сухой ветки куски и швыряя их в огонь костра. Рах покосился недовольно – сажа и обгорелая кора летели в висящий над костром котелок, но ничего не сказал. Не хватало ещё из-за такой безделицы поссориться. Дружина была в походе уже вторую седмицу, и вои были изрядно злы. Злы на постоянные оглядки; на опасность, которая то ли есть, то ли нет; на дорогу *скрадом, отай*, когда не крикни громко, да и не поохоться путём; на пустые, едва сдобренные ветряной рыбой да мясом, щи да каши в котлах; на жёлтые глаза нечисти в лесной чаще... Иной раз полочанин задумывался – а верно ль они сделали, что оставили мать господина и ушли к его сестре? Какую помощь им мог подать хозяин Корьдна, князь Ходимир? Ну и что, что он с Ярославичами о сю пору ратен и ряда с ними не подписывал? Так его княжество игрушечное зажмут с двух сторон, и придётся теперь *рогволожичам* вместо того, чтобы волю у киян для князя своего добывать, резаться с ростовчанами да вятичами, чтоб Корьдно оберечь.

Но дружина решила так, как решила, и Рах не стал спорить. Надо будет оберегать Корьдно – будем оберегать.

Задумавшись, Рах забыл про вопрос Мстивоя, и варяг, перекатив по челюсти желваки, повторил. Полочанин вздрогнул и, наконец, ответил, словно от сна очнувшись:

– Не ведаю, Мстивое... не бывал я раньше здесь. Думаю, близко уже.

Из колеблющегося от кострового жара полумрака стремительно вынырнуло огромное тело (кабы не уверенность, что на стану только свои, так и за оружие бы схватился непутём воевода – а и то сказать, точно ль только свои?), *грідень* Вьлчко мягко и почти бесшумно при-

сел рядом с *варягом*, бросил на пожухшую осеннюю траву изрядное бремя наломанного валежника и сказал, словно продолжая начатый разговор, словно *варяг* спрашивал у него, а не у Раха:

– Ближко уже, ближко... – на два дневных перехода, не больше. Ну, может, три...

– Ну может пять, – язвительно подхватил *варяг*. – Ну десять...

Вълчко только молча дёрнул щекой, верхняя губа чуть приподнялась, приоткрывая клык, – словно вол оскалился еле заметно. Верно, не зря его Вълчком прозвали, подумал воевода Рах, но тоже смолчал, оставив без внимания глупые речи *варяга*, да и сам Мстивой только отворотился, не ожидая ответа. Ясно было, что он ворчал больше от желания сорвать раздражение, чем от взаправдашнего желания ссоры.

Помолчали несколько мгновений, потом Вълчко примирительно сказал:

– Рассказали бы, что ли, воеводы, какова она есть, земля *варяжья*?

– Про что тебе рассказать? – всё так же сумрачно спросил Мстивой – он был *варягом*, ему и речи вести. Тем паче, и видал-то он в той земле всяко уж больше, чем Рах.

– Ну хоть про Аркону альбо про Винету, – жмурясь от кострового жара, попросил Вълчко.

Про Аркону...

По-прежнему то и дело подбрасывая в огонь обломки ветки, Мстивой заговорил. О высоких белых скалах Руяна, о которые разбиваются тёмно-зелёные волны, и пенные ключья взлетают выше скал. О плоском острове посреди Волчьего моря, на котором, на высоком остром мысу и лежит Аркона, святыня Свентовита – за высоким валом высокие двухскатные кровли храмов и градских домов. О могущественных *волхвах*, чьё слово весит на Руяне больше княжьего, чей приказ поднял на восстание против Годослава-Готшалка и лютичей, и варягов, и руян. О каменных *чурах* Свентовита в полутёмной глубине огромных хоромин, которые ждут жертв, чуть поблёскивая глазами. О каменных жертвенниках в храмовых дворах, и об оружии, взятом с бою и ныне висящем на стенах храмов.

Вои заслушались. К костру воевод подсаживались и иные полочане, которые, хоть и были на Руяне вместе с Рахом, но кто ж откажется послушать бывальщину.

За рассказом каша в котлах упрела, и вои принялись споро метать её ложками в рот, обжигаясь и дуя.

К вечеру опять засвежело, потянуло сыростью, и впотемнях в воздухе повисла противная мелкая морось, от которой волгли одежда и волосы. Ну ничего, – молча утешал себя Стоюта, зато сырая листва под ногами не шуршит.

Огоньки костров, увиденные им с верхушки сосны, мигали где-то на северо-западе, около самой Москвы, некоторые даже и дрожали в воде отражениями. Костров было много.

Старшой «волчат» шёл быстро, ловко уклоняясь и от веток, которые могли стряхнуть на голову альбо за шиворот поток холодной воды, и от сухих веток, готовых выколоть глаз или воткнуться в бок, подныривал через низко нависающие толстые сучья, осторожно протискивался сквозь кусты по звериным тропинкам.

Огни возникли вблизи неожиданно, и Стоюта от неожиданности замер на месте, цепко разглядывая их и по-прежнему не понимая, что это за огни, и что это за люди. У костров мелькали тени, приплясывало багровыми языками пламя, вкусно тянуло ёдовом, а между запахами каши и сала навычный нос «волчьего вожака» отчётливо различал и тонкие струйки мёда и кваса.

Несколько мгновений Стоюта недвижно стоял на опушке, глядя на огни, и вдруг почувствовал чьё-то *присутствие*. Именно почувствовал, не увидел и не услышал, и даже не нюхом почуял. Рядом был кто-то... кто-то могучий, не добрый и не злой, кто-то чужой, и тоже разглядывал эти чужие костры, краем глаза поглядывая и на него, Стоюту. Стараясь не шевелиться, парень покосился вправо-влево и (враз захолонуло сердце!) различил в сумерках в двух-трёх

саженях от себя что-то громадное и корявое, недвижимое, только мерцали два тусклых огонька (так светятся в сумерках гнилушки). Нет, не что-то... – кого-то!

Медленно, чтобы не встревожить Лесного Хозяина резким движением, Стоюта вытащил из заплечной сумы зачерствелую горбушку хлеба, вытряхнул на неё из поясной калиты остатки соли и с поклоном положил горбушку на ближнюю корягу.

Тёмно-корявая фигура не шевельнулась, только огоньки засветились как-то иначе, не так, как раньше, и Стоюта понял, что смотрит Лесной Хозяин теперь не на костры, а на него. Он вновь поклонился и, пятясь (Хозяин не зол, но и не добр, потому и поворачиваться к нему в такой близости спиной не стоит... мало ль чего!), отошёл посторонь. И только потом поворотился лицом к огням.

До костров было с два перестрела, и Стоюта сторожко двинулся к ним, мягко вытянув из налучья лук. Пальцы навывчно на ходу распутали тетиву, парень задержался на мгновение, чтобы придавить ногой воткнутую в землю кибить, согнул лук и набросил петлю на подзор. Подхватил лук и левой рукой потянул из тула стрелу.

Следовало быть готовым ко всему.

Несколько мгновений он ещё ощущал спиной взгляд Хозяина, потом и он пропал.

Он уже начинал различать голоса у костров, когда его вдруг окликнули справа:

– А ну-ка стой! Кто таков?!

Стоюта шарахнулся посторонь, вскидывая лук и поворачиваясь на голос, но удар обрушился на него совсем с другой стороны – со спины. Словно глыба многопудовая обрушилась, сбила с ног и придавила к земле. Хрустнув, переломилась стрела, выпал из руки лук, чавкнув, расступилась под его коленом грязь, и парень, успев только подумать «Сейчас мордой в эту грязь меня и макнут», сумел извернуться и упасть в грязь не лицом, а спиной. Холодная жижа мгновенно пропитала и свиту, и рубаху, но Стоюта, не чужая того, поймал рукой ножевую рукоять – погибать, так погибать! Но запястье уже пережали чужие пальцы, словно железными клещами, а от костров к ним уже бежали, ломая ветки, оружные вои.

Пропал!

Но его не убили. Сорвали с пояса нож, рывком вздёрули с земли, подымая на ноги и поволокли к огню.

Остановясь у костра, Стоюта поднял глаза и содрогнулся – на него смотрели трое, при первом же взгляде на которых он мог бы сказать – *гридни*. Коренастый середович с начавшими сидеть длинными усами глядел исподлобья и поигрывал поясной подвеской. Второй был моложе, чуть больше тридцати, но на груди у него висела золочёная гривна, и тот, что с подвеской, то и дело косился на него, словно ожидая его слов. Этот должно быть, набольший, – решил про себя «волчий вожак». Третий был ещё моложе, едва тридцать, и от его вида у Стоюты невольно шёл мороз по коже – казалось, глянь на него вприщур и увидишь не человека, а матёрого волка.

Гридни.

Но вот чьи...

И тут же обругал сам себя последними словами – лось бестолковый, вон же полоцкое знамено на щитах! Полочане. И что тут, у Москвы делать полочанам, Перун меня вразуми?!

– Кто таков? Чего надо?

Стоюта несколько мгновений подумав, решил, что никакого особого вреда не будет, если полочане эти узнают, кто он таков.

– Меня обыкновенно называют Стоютой, говорят, что я сын Баряты, гридня князя Ходимира Гордеславича из Корьдна.

Полоцкие *гридни* стремительно переглянулись, потом тот, про которого Стоюта решил, что он набольший, непонятно усмехнулся и спросил:

– А не врешь?

- Чего? – не понял Стоюта.
- Что из Корьдна? Чего тебе делать-то тут, в такой дали?
- Чего мне врать-то? – оскорблено возразил парень. – Какая корысть?
- И то верно, – хмыкнул середович. – Подумай, Рах Стонежич.

На несколько мгновений стало тихо, потом Рах, нехорошо щуря серые глаза, приказал воям:

- А ну-ка, пустите молодца. Да лук ему воротите. Чай не перестреляет нас тут всех-то. Хватка воев на руках у Стоюты ослабла, кто-то протянул ему лук.
- Да ты, парень, погоди воевать-то, – миролюбиво сказал Рах. – Садись к огню с нами, поешь. Дайте-ка чашку с кашей молодцу! Утром мы тебя отпустим, поезжай к себе в город, да князю... а особо княгине его скажи, что к ним идут люди княгинино брата Рогволода.

4

Пир в терему стихал.

Утихли пиршественные крики и песни, погасли *жагры* и *светицы*, дотлевал огонь в открытом очаге посреди *гридницы*. Разъехались по домам *гридни* и *дедици* – слезали с коней, чуть опираясь на услужливые руки холопов, но бодро подымались по ступеням высокого крыльца, только изредка прихватывая рукой за *бальяшник*, когда неверные ноги, ослабелые от стоялого мёда, бросали полупьяное тело в сторону, грозя уронить вятшего в пожухлую траву у крыльца. Спали прямо в *гриднице*, в *молодечных* и в клетях вои, и свои, вятичи, и приезжие, кривичи, лютичи и *варяги*, – кто просто спал, кто подгрёб к себе под бок пригожую холопку из княжьей челяди, болгаринку или мордвинку. Стыла на столах опустелая грязная посуда, тянуло запахами мёда и пива из *жбанов* и *ендов*, псы грызли под столами и лавками брошенные во время пира кости и объедки. А на столе возвышался оструганный и оглоданный костяк степного тура, заполёванного вятичами нарочно для этого пира. И собаки уже поглядывали на него, словно ожидая, когда угомонятся холопы и можно будет осмелиться настолько, чтобы запрыгнуть на стол и начать грызть кости прямо на скатерти. Но каждый раз, видя, что опричь холопов, в терему не спит ещё и хозяин, псы не осмеливались.

Князь Ходимир по-прежнему сидел в своём высоком резном кресле на почётном хозяйском месте. Он сидел, почти не шевелясь, и издали, с первого взгляда, его можно было и не заметить, тем паче, в *гриднице* было полутемно – за окнами стемнело, *жагры* погасли, и только одна у самого входа догорала, бросая на столы тускло-багровый свет.

Ходимир не был пьян. Выпил он, вестимо, больше обычного, но после возглашённых здравиц старался воздерживаться, только понемногу отхлебывая из рога – хозяину во время пира достойно видеть и слышать всё, одновременно следить за холопами, чтобы на столе везде было вдосыть и снеди, и питья. И потому когда большинство пирующих уже спали либо шатались, уходили спать, он, Ходимир, по-прежнему едва заметно улыбаясь, цепко оглядывал *гридницу*. А когда все разошлись, он остался в один.

Он не был пьян.

Он просто думал.

Задала ему задачку полоцкая дружина, и задачку непростую.

Князь был одновременно и рад, и озадачен.

Ратных сил Корьдна прибыло. Теперь он разом стал сильнее, намного – его собственная дружина насчитывала едва две сотни воев, а вместе с дружинами *дедицей* Корьдно возмог бы выставить сотен пять. Теперь, с дружиной Рогволода, их силы (его силы! Ходимира силы!) возросли вдвое, почти втрое – Рах и Мстивой привели больше трёхсот мечей. Опытных воев, уже прошедших и ветер, и огонь, и воду на Варяжьем море, уже понюхавших, чем пахнет боевой *оцел*, знающих, как глядят в глаза копейный рожон и мечевое *лэзо*. Житобуд вон уже наме-

кал, и не раз за время пира – с такой-то мол, силой, неплохо было бы и остальных вятицких князей заставить с собой посчитаться – и в Дедославле, и в Колтеске... и в других местах. А Вадим Козарин только крутил ус, отмалчивался и глотал стоялый мёд, как воду, не хмелея. Он с самого начала был против союза с Всеславом, против дружбы с Полоцком и против брака Ходимира с Витонегой.

С другой же стороны, не всё так радостно.

Такую прорву ратных надо чем-то кормить. На первую зиму, вестимо, кормов в Корьдне достанет, хотя и то, как бы не пришлось пояса потуже затягивать. Потому уже зимой, во время *полюдья*, надо будет поискать новых даней, забраться подальше на восход, к рязанской albo суздальской меже, туда, где есть ещё необложенные данью веси. На юге искать нечего, там Степь, там кочевники, с них даней не наберёшь; на западе – иные вятицкие князья, в их владениях даней искать – это вызвать большую войну, в которую с радостью влезут и Святослав черниговский с сыновьями, и Мономах свои ростовские полки приведёт. Такая замятня встанет, что не приведи боги. А на Москве и Проне, в тех местах, откуда и пришли в Корьдно полочане, можно даней и найти (вестимо, если туда ещё не дотянулись смоленский Ярополк или всё тот же Мономах, – тут же остудил сам себя Ходимир).

Любимый пёс князя, Волчар (к его роду давным-давно примешалась кровь лесных волков, а у Волчара это и вовсе было хорошо заметно), отважился-таки вспрыгнуть на стол.

Дверь, скрипнув, отворилась, на пороге возник старый *ключник* Страшко, вопросительно глянул на князя – кого-кого, а его неверный свет *жагр*, полутьма в *гриднице* и княжья неподвижность обмануть не могла, он Ходимира разглядел сразу. Уловив едва заметный разрешающий наклон головы князя, он только посторонился, пропуская в *гридницу* холопов – прибрать со стола.

Волчар зарычал на ключника (блеснули в полумраке *гридницы* страшные зубы), но Страшко невозмутимо подошёл прямо к столу, а князь только едва слышно щёлкнул пальцами. Волчару того достало, чтобы смириться с потерей такого великолепного пиршества – господину он перечить не отваживался – и он спрыгнул со стола.

Следом за ключником к столу прошли двое холопов, боязливо косясь на собак, начали убирать грязную посуду.

Княгиня Витонегга сбросила с головы тяжёлую *кику*, устало повела головой, чувствуя, как распущенные волосы тяжёлыми волнами падают на плечи. Впрочем, после их женитьбы, когда наутро Ходимир отхватил ножом её косу и отослал с нарочными в Полоцк, к отцу, голове всё казалось легко. Волосы отрастали медленно, и привычная тяжесть ещё не воротилась (до замужества Витонегга гордилась своими волосами, чуть ли не самыми длинными в Полоцке – было дело, как-то они с санными девушками сравнивали, у кого коса длиннее). Когда воротится тяжесть – отвычной станет, – Витонегга невольно усмехнулась пришедшей в голову не очень смешной шутке и привычно подставила голову под пальцы Невеи. Младшая дочь воеводы Бреня, отца наставника и пестуна тоже привычно расправила волосы госпожи.

Нельзя сказать, что Витонегга не смогла бы справиться со своими волосами сама. Но княгине невестно. Во всяком случае, на людях. Тем более, сейчас, в *непраздности*, – тяжёлый большой живот мешал двигаться, и уставала она быстрее, а потому с большей охотой, чем обычно, принимала услуги санных девушек.

Невея вздохнула. «О волосах жалкует моих», – догадалась Витонегга (такое было уже не в первый раз) и сказала с улыбкой:

– Всё о волосах моих вздыхаешь, Невея?

Пальцы санной девушки чуть дрогнули, но она отозвалась почти тут же:

– О волосах... да.

Однако что-то подсказало княгине – нет, не о волосах госпожи вздыхает дочь воеводы. Небось, тоска по Полоцку напала. На неё саму иной раз тоже находило так, что хоть плачь.

Добро хоть муж рядом, есть кого любить, есть из-за кого забыться, отставить память. А у Невеи того нет, она за госпожой из Полоцка поехала, чтобы той одиноко в Корьдне не казалось.

– А не о волосах, Невеюшко, – усмехнулась княгиня. – Ай понравился кто? Скажи. Может, и замуж тебя отдадим, а?

– Скажешь тоже, госпожа, – Невея покраснела.

– А чего ж, – Витонегга улыбнулась. – Вон сколько женихов вокруг. Хочешь, вятича выби-рай, хочешь – кривича. А то *варяга* альбо лютича. А?

Как ни сдерживалась, а в голосе её невольно звякнула гордость. И тут же опустила глаза, стараясь не выдать перед девушкой этой гордости и торжества, которое она испытывала в последние три дня, после того, как прибыла братня дружина. Теперь, с Рогволожими воями, у неё (а приехали они именно к ней, к Витонегге, к сестре своего господина!) было сил больше, чем у мужа, князя в Корьдне.

Она мотнула головой, вырывая волосы из рук у изумлённой Невеи, встала, закусив губу. Нет!

Ну она же любит мужа, с чего ей в голову лезут такие дурные мысли. А кто-то, гаденько усмехаясь, так и шепчет в ухо: у него, Ходимира, всего две сотни воев в дружине, а у тебя, княгини, теперь больше чуть ли не вдвое. И не просто вои... кривичи, лютичи, *варяги*, что навывкли на Варяжьем море кровь лить, сражались и с саксами, и с данами, и дружину Мсти-слава через всё Варяжье море гнали, с самой Дикой Охотой встречались... Витослава вспом-нила глаза вятичей. Они слушали рассказы Раха и Мстивога, рассказы о невиданных чудесах дальних краёв, и горел в глазах вятичей тот странный огонь, который всегда горит в мужских глазах при рассказах о дальней стороне, и которого никогда не могут понять женщины.

Ну вестимо, что они видели-то в жизни, эти вятичи? Жгли овины в соседних *город-цах*, таких же, как и Ходимиров Корьдно, – в их, кривской земле, этот Корьдно мог бы срав-няться только с межевым Гориславлем, пожалуй, или Всвячем? Сшибались в межевых стычках с мелкими (по десятка два-три) загонами степняков, которые забрались пограбить лесовиков? Гоняли в лесных облавах десятком на одного непокорных данников, которые больше горазды в чащобе прятаться, чем сражаться?

Витонегга распалась всё больше и больше, хоть и сама понимала, что не права. Она и сама не заметила как подошла к отволочённому оконцу, стояла около него, глядя в мокрые вечерние сумерки за окном и еле слышно шептала, то и дело притопывая, взмахивая кулаком, словно спорила с кем-то. Она проговаривала всё то, что думала, словно уже и сам Ходимир стоял перед ним, и она убеждала его уступить ей престол. Доводилось ей слышать про такие случаи в греческой земле, когда жена базилевса, опираясь на войско, отстраняла мужа от пре-стола. Было такое, было...

Княгиня прикусила губу, и в этот миг ощутила сильный толчок внизу живота. Толк-нулся ребёнок, и Витонегга, вздрогнув, опомнилась. Оборотилась. В хоромине было пусто, только Невея стояла у самого порога, словно пяtilась от госпожи, прижав к груди снятую с головы Витонегги рогатую *кику*. Княгиня встретила взглядом с подружкой и вдруг покрас-нела до слёз. От стыда сквозь пол готова была провалиться. Добро хоть и вслух не наговорила то, что шептала, вонзят бы запугала девушку – и так вон глядит чуть ли не со страхом. Чего и не нагородила-то только, и базилевсов приплела, и вятичей чуть ли не в болотной жиже измазала, и престол готова была у мужа отнять. У мужа, которым только недавно восхищалась, словно Сухманом альбо Муравленином за то, что он вдоль Днепра за Ярославичами гнался.

И с чего взяла, что дружина брата ЕИ служить будет? Воевода Рах ясно ведь сказал – они и в Корьдно-то пришли только потому, что Ходимир ряда с киянами не подписал, а значит, может попробовать Рогволода, а значит, и Всеслава-батюшку из полона освободить.

Она вдруг прерывисто вздохнула, мотнула головой, словно отгоняя наваждение. Невея, напуганная госпожой, нерешительно улыбнулась, и в этот миг дверь чуть скрипнула, и в покой

пролез Ходимир. Обвёл шалым взглядом тёсанные стены *горницы*, шагнул слегка неверными ногами мимо оцепенелой сенной девушки (Витонегга чуть повела головой, и Неveja, послушно склонив голову и сдерживая рвущийся из груди смешок, выскочила за дверь) и сел на край ложа.

– Сокол ясный, – протянула с лёгкой насмешкой княгиня, мгновенно забыв про все свои глупые мысли. – Никак хмелён?

Ходимир с едва заметной улыбкой покачал головой:

– Не, – отверг он слабым голосом. – Просто устал.

И вправду, хмеля ни капли, глаза ясные, только в уголках красноватые прожилки.

– И что теперь станешь делать? – спросила Витонегга, садясь рядом с мужем на ложе.

– С чем? – словно бы непонимающе переспросил он, но Витонегга видела, что князь прекрасно её понял, просто, как и всегда, хочет, чтобы она выразилась как можно точнее. Эта игра повелась ещё с дня их свадьбы.

– Не придуривайся! – как всегда, рассердилась она. – Ты отлично меня понял!

Ходимир усмехнулся. В последнее время норы Витонегги стал просто невыносимым, вспыльчивым, но он принимал это добродушно – верил, что после рождения ребёнка всё снова станет прежним.

– В *полудье* пойду, новых даней искать, – пожал он плечами. – *Рогволожичей* придётся чем-то кормит, значит, надо новые дани искать.

– А отец?! – требовательно спросила Витонегга. Она повернулась лицом к мужу и сейчас совсем близко видела его щёку, поросшую короткой курчавой бородкой, и вдруг её мгновенно пронзило чувство острой неприязни к мужу, словно это он схватил её отца и держит его в полоне. – Братья?! Мы должны помочь им!

– Ты хочешь воевать с Киевом с пятисотенной ратью? – мгновенно отозвался Ходимир. – Ну давай, попробуй. У твоего отца войска было пожалуй впятеро больше, да он не смог Ярославичей одолеть.

И Витонегга сникла. Муж был прав.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ ПРЕДЗИМЬЕ

1

Снегопад ударил неожиданно.

Низкие снеговые тучи безмолвно подкрались, прижимаясь к верхушкам высоких сосен, вынырнули на простор серого зимнего неба – и повалили густые крупные хлопья, застилая белым ковром по-осеннему неопрятную, какую-то съёженную и отверделую от холода землю.

Снега хотелось давно.

Природа, словно обиженная кем-то ни за что ни про что, в этом году долго дождала, хмурилась и морозила без снега. И люди уже начинали ворчать, что мол, это боги кару наслали на Ярославичей за клятвопреступление.

А что, может и так, – усмехнулся Всеслав Брячиславич, кутаясь в кожух.

Полоцкий князь (или правильнее ныне было бы сказать, бывлой полоцкий князь? – нет!) стоял на открытом гульбище своего берестовского терема, ещё отцом покойным строенного, и глядел на идущий снег. Первый в этом году снег. С удовольствием глядел.

Озябшая земля куталась в густое и толстое белое одеяло.

Наступала зима.

Холод настойчиво заползал под наброшенный на плечи кожух, заставляя вздрагивать, но князь не уходил. Глядел и глядел в небо, заплывшее снежной мутью.

Опускать глаз тоже не хотелось.

Да и что он там увидит, на дворе терема-то?

Воев – так то не его вои, не полочане. Киевские вои, сторожа – как бы не сбежал полоцкий чародей, не оборотился волком.

Иногда Всеслав горько жалел, что Великому Владыке не угодно было даровать своему потомку звериное обличье. И впрямь хорошо было бы...

Тогда, перед Немигой, после того, как Ярославичи вырезали и сожгли Менск, ему удалось. Ведь всю дружину оборотил волками!

Ныне – нет.

Не чувствовал в себе князь таких сил.

Хотя это и не мешало киевским воям глядеть на него с опаской и спать вполглаза – все слышали зловещие и страшноватые слухи о полоцком оборотне.

Мало ль что он ныне никого не трогает – на то и сила креста, да сила оружия. А только дай слабину, так волком перекинется и всей страже глотки перервёт. А после – поминай как звали, в кривской земле лесов столько, что на двадцать таких оборотней хватит.

Великий князь Изяслав Ярославич поступил с поверженным врагом вроде бы и по чести, невзирая на собственное нарушение слова. Не убил Всеслава сразу, прямо там, у Орши, не посадил полонённого князя в поруб, выделил ему его же терем, родовой терем полоцких князей. Даже прислугу дал.

Правда, терем постоянно сторожило не меньше полусотни воев, так это просто разумная предосторожность. Сам Всеслав, доведись ему, поступил бы так же.

Угнетало только одно – то, что полоцкий князь до сих пор, уже после почти полугодичного заточения в загородной усадьбе, ничего не ведал о судьбе своих сыновей, тоже попавших в полон вместе с ним. Рогволода и Бориса.

Прислуга словно воды в рот набрала – полочанин несколько раз пытался заговорить с ними, но холопы только мотали головами в ответ, а в глазах их был стыл страх. Словно запугали их, альбо немые были.

А может и немые – слышал Всеслав Брячиславич про такое. У ромейских базилевсов да и вообще у знати в порядке вещей было набрать слуг с отрезанными языками, чтоб не болтали лишнего. Может, и тут наловчились уже...

И в том была ещё одна причина, по которой Всеслав не мог бы бежать даже если бы у него и были силы перекинуться волком. Какое там бежать, когда не ведаешь, где твои сыновья и что с ними?

И всё же порой Всеслав даже рад был, что попал в полон именно к Изяславу. Хотя к кому ж ещё, как не к великому князю. Альбо уж так-то сказать – рад был Всеслав, что великим князем ныне сидит старший Ярославич, привыкший чтить обычаи и княжье достоинство – своё и чужое. Невестимо ещё, чем бы всё оборотилось, будь великим князем, к примеру, Всеволод.

Изяслав хочет, чтобы всё было как завели деда, как отец его завещал, чтобы порядок был и спокойно было. Хочет докняжить сколь ему судьба отвела в спокойствии, и чтобы сынов его престолами и доходами не обошли.

Святослав прям и честен как стрела, как прямой мечевой клинок. Этот готов и к потрясениям, и к спокойствию. И воевать и править он будет именно так – прямо и честно. Если доведётся ему, – тут же добавил внутри Всеслава кто-то донельзя умный.

А вот Всеволод себе на уме и непонятно чего он хочет в действительности. Переяславского князя, третьего из ныне живущих Ярославичей, Всеслав порой боялся. Книжника, молчальника – боялся. Единственного из троих.

И так ещё посмотреть – а кто ныне в этой, проигранной Всеславом войне, выиграл больше всех?

Не Всеволод ли?

Только он сумел усилиться за счёт общего страха перед полоцким оборотнем, добившись для своего пока что единственного сына престола в двенадцать лет. И какого престола!

Залесье.

Ростов.

Богатейший волжский торговый путь.

Всеслав вновь не удержался от злорадной усмешки, отнеся её к великому князю – вот должно, покусал локти Изяслав, когда сообразил.

Поёжился (мороз всё-таки его донял, да и обедать было пора) и, медленно повернувшись, ушёл с *гульбища*, провожаемый неприязненными взглядами воев.

Кормили Всеслава в полоне тоже неплохо – с великокняжьего стола. И ел полоцкий князь без опаски – не был в его представлении Изяслав Ярославич способен на такую подлость, чтобы отравить пленного, да ещё князя. Да и хотели бы убить – убили бы прямо там, в Орше... стоило для того везти через полстраны.

Вот и сегодня – на столе уже красовалась серебряная, деревянная и *поливная* посуда, тянулся тонкий дразнящий запах жареной куропатки.

Около стола безмолвно застыл мальчишка-холоп, доселе незнакомый. Вчера Всеслав ради развлечения, невеликой радости полоняника, устроил прежнему выволочку за опрокинутую тем по недосмотру чашу с медовухой, и явившийся на крики *тиун* (тоже глядел на полочанина с опаской!) тут же пообещал найти нового слугу. Нынешний холоп глядел безмолвно и спокойно, отрешённо как-то, словно был где-то не здесь.

Всеслав чуть заметно вздохнул – и этот таков же, хоть по виду чистый кривич. Даже рубаха вышита на кривский навычай... хотя это-то и неудивительно – ныне таких рубах

по всему Киеву, после погрома-то менского... нагребило христово воинство зипунов в кривской земле. И не только в Менске.

Князь сел за стол, протянул руку к кувшину с вином, но мальчишка опередил его на какое-то мгновение – кувшин словно сам оказался у него в руке, пахучая багряная струя плеснула в резную каповую чашу, пощекотала княжьи ноздри тонким запахом вина. Князь, стараясь не выказывать удивления (доселе присланные Изяславом холопы не спешили услужать пленному полочанину, ограничиваясь тем, что накрывали на стол и убирали грязную посуду), глотнул вина и подвинул куропатку ближе. На мальчишку он не глядел вовсе: велика важность – холоп великого князя. Хоть и кривич. Ныне не гнушается, так после, дня через два, нос задерёт.

И замер, пригвождённый к месту голосом холопа.

– Княже... Всеслав Брячиславич...

Мальчишка говорил негромко, но его голос громом отдался у Всеслава в ушах. Казалось, загреми средь предзвездья гром – полоцкий князь не был бы так поражён.

Остолбенение прошло быстро, и Всеслав молниеносно развернулся к мальчишке.

– Ты?!..

Но холоп ещё быстрее князя вскинул палец к губам.

– Тсссс, княже.

И верно. Как бы ни была велика нынешняя радость Всеслава, а шуметь не след.

И тут только понял полоцкий князь, как он истосковался по людям – по живым людям, которые говорят, которые готовы его слышать. Ибо глядящие с ненавистью вои киевского князя и молчаливые, торопливо отворачивающиеся холопы надоели Всеславу хуже горькой редьки. А тиун, единственный, кто достаивал пленника словами, бесстрастно цедил их сквозь зубы, ограничиваясь несколькими десятками вежливых, пристойных княжьего сана выражений – и только-то.

– Сядь, – Всеслав указал мальчишке на лавку около стола.

– Никак не возможно, княже, – мотнул головой холоп. Оглянулся на дверь и ещё понизил голос, хоть и так говорил почти что шёпотом. – А ну как кто войдёт, а я встать не успею...

И опять мальчишка был прав – войти к князю мог правда только *тиун*, да и тот прежде обязан был постучать... а вот возьмёт да нынче не постучит... отговорится срочным делом. Бывало такое уже пару раз, и хоть сносил после тиун под глазом могучий синяк от княжьего кулака, а всё равно глядел с холопской наглостью, которой и у хозяина его никогда не замечалось.

– Ну так хоть стань так, чтоб я тебя видел, – велел полочанин.

– Это можно, княже, – мгновенно согласился мальчишка.

– Зовут-то тебя как? – всё ещё не мог опомниться и перейти к делу князь.

– Бусом отец и мать звали, а ныне больше всё Белоголовым кличут, – охотно откликнулся мальчишка. – Ты бы ел, господине.

Есть Всеславу теперь не хотелось вовсе, но тут опять было не поспоришь – прознает *тиун*, что полочанин не обедал как следует, встревожится, начнёт рыть, искать – что произошло. Лишний повод для подозрений давать не стоило.

– Кривич? – спросил князь, кивая на рубаху Буса.

– Кривич, господине, – охотно подтвердил холоп. – Меня недавно тиун здешний перекупил у прежнего хозяина моего...

– Из Менска альбо деревни какой?

– Я плесковский, княже, – мотнул головой Белоголовый, сдул волосы с глаз. – Когда ты с ратью к Плескову приходил, наши мужики да с трёх соседних *вёсок* ещё *острог* разорили боярский... Ты разрешил крещёных бояр зорить.

Всеслав прекрасно про то помнил. И столь же прекрасно знал, что некрещёных бояр на Плесковщине – раз-два и обчёлся.

– А после, когда твои отступили, – мальчишка нарочно не сказал «ты отступил», чтобы даже так ничуть не унизить князя, – наместник плесковский велел вёски наши разорить. В отместку. Вот я в полон и попал... невестимо и живы ль родичи мои...

– Скорбишь на меня за то? – начал было князь – как ни крути, а виновен оказывался он.

– Нет, княже, – мотнул головой Бус. Решительно так отверг – не похоже, чтоб врал альбо льстил. – Не виню тебя, не то не стал бы ныне с тобой говорить.

Не врал Белоголовый.

– Ко мне той осенью много *сбегов* с Плесковщины пришло, – вспомнил Всеслав. – Может, и из твоих кто был... вот выберемся отсель – и поищешь...

Он осёкся.

Ты выберись сперва, – опять сказал внутри него кто-то ехидный.

Всеслав вздрогнул.

Он долго – слишком долго! – ждал чего-то подобного. И вот теперь на него навалилось что-то странное. Какие-то сомнения, никогда ранее ему, полоцкому князю, потомку Велеса, не свойственные.

А ну как это ловушка, и мальчишка этот подослан великим князем? И, доверясь ныне этому холопу, он собственными руками выдаст своих людей в Киеве Изяславу? Ибо люди-то были, как не быть. На мгновение Всеславу ясно вспомнился твёрдый взгляд и сухое лицо плесковского гридня Колюты, былого старшего Судислава Ольговича.

Князь закусил губу, глядя на Буса остановившимся взглядом, задержав на весу около самого рта косточку с недоглоданным мясом. А мальчишка уже глядел на Всеслава с закипающим слезами отчаянием – понял княжью трудноту.

– Ты не сомневайся, господине... – начал он, но Всеслав его перебил.

– Как называлась ваша *вёска*?! – спросил отрывисто, одновременно стараясь вспомнить, ЧТО рассказывал ему о сбегах тысяцкий Бронбор. Расселение сбегов было поручено тысяцкому и никому иному оно поручено быть не могло – ибо сбегов надо было наделить землёй, а земля – общая, всего кривского племени. И кто, кроме тысяцкого, главы города Полоцка, может наделить землёй в полоцкой волости?

– Славутиной, – без малейших колебаний ответил Белоголовый. – Только мой отец не в самой вёске жил, на отшибе. Неклюдом его звали.

От слов Буса повеяло чем-то смутно знакомым, но князь всё ещё боялся поверить.

– Ещё кого с той вёски назвать можешь? – замирающим голосом спросил он.

– Урюпу помню, самого Славуту-войта, Улыбу, дочку Урюпину...

Всеслав улыбнулся, и Бус оборвал слово на половине.

– Ну так и я тебя порадуя, Белоголовый, – Всеслав глядел уже без настороженности. – Жив Славута-войт. И иные многие живы... за Мяделем живут, в Полоцкой волости им землю *вече* отвело...

– Княже... – задохнулся холоп, пожирая Всеслава преданным взглядом.

– Поможешь мне, Белоголовый? – спросил князь в лоб, решась, наконец.

– Всё, что хочешь, господине! – метнулся Бус. – Прикажи умереть, Всеславе Брячиславич!

– Ну так слушай, – Всеслав невольно глянул в сторону двери. – Умирать не понадобится. Пойдешь на Подол...

Тиун Судила ждал Буса почти что у самой двери. дождался, пока холоп затворит за собой дверь и больно вцепился в руку выше локтя.

– Ну?!

– Хрен гну, – грубо ответил Белоголовый и тут же скривился от боли – *тиун* вывернул руку за спину.

– Не крути, Белоголовый, – хрипло сказал он, брызгая слюной. – Про что князь у тебя спрашивал? Ай забыл, почто тебя к Всеславу посылали?!

– Про что спрашивал, про что спрашивал, – проворчал сквозь слёзы Бус. Ответил совершенно честно. – Спрашивал, что с землёй его сотворилось, да про сынов своих спрашивал – где они, мол? Да про княгиню свою!

– А ты что?

– А я что, князь, что ль?! – почти выкрикнул холоп. – Почём я знаю, где чего творится?!

– Поручения какие давал? – не отставал Судила.

Тошно было на душе у Буса. Князь ему доверился – ему, подосланному. Поманил Судила холопа сладкой мечтой о воле, вольную посулил, коль поможет, к оборотню полоцкому в доверие войдёт. Ибо не верили ни Судила, ни старшой сторожи берестовской, Тука-гридень, ближник великокняжий, что смирился Всеслав, и что нет у него в Киеве своих людей.

Да только вот после того, ЧТО сказал ему Всеслав Брючиславич про родных, не мог Бус предать доверившегося ему полоцкого князя.

– Никаких поручений, – ответил Белоголовый, сам искренне веря в сказанное.

Тиун несколько мгновений глядел мальчишке-холопу в глаза, словно пытаясь понять, где и в чём обманывает его этот проныра, потом толчком отшвырнул его от себя. С глухим хлопком разлетелась на куски пустая *сулея* из-под греческого вина.

– Иди! – всё так же хрипло сказал Судила. – Завтра опять пойдёшь к оборотню. И смотри у меня – станет какие-нибудь поручения тебе Всеслав давать – не смей отказываться!

Бус собирал с пола обломки кувшина, низко наклонив голову – не увидел бы *тиун* его довольную улыбку.

2

В гриднице стоял полумрак – окна, забранные разноцветной слюдой и без того пропускали мало света, а застелившие небо хмурые тучи и густой снегопад и вовсе сотворили в терему сумерки.

Свечи не горели, но на стене тусклым тяжёлым светом зловеще светился длинный прямой клинок.

Древний меч хотел крови.

Святослав Ярославич вздрогнул от неожиданно пришедшей мысли, медленно подошел к стене.

Меч висел нагим, ножны полированной кожи, цветом схожие со старым деревом, простые без украшений, только с серебряной оковкой горловины, висели рядом.

Князь коснулся кончиками пальцев мечевого лёза, и тут же отдёргнул руку.

Словно вспышка молнии, словно зарница во тьме, Святослава озарило видение.

Жарко дышала ночь, горели огромные костры, звенела сталь, ржали кони. Влажно и могуче плескалось рядом море, волны рушились на песок и с шипением отползали назад.

В руке тускло светился меч.

С воплями погибал под жертвенными ножами полон. Кто-то расхристаный вырвался из рук волхвов, вцепился в окольчуженных воев в тщетной надежде то ль спасти свою никчёмную жизнь, то ль погибнуть войскою смертью – от честного оцела, не от кремнёвого жертвенного ножа. Стремительно взметнулся синевато-серый оцел, свистнул клинок – рука ударила словно сама, меч сам метнулся навстречь гибкому телу.

– Зря, княже, – сказал кто-то рядом.

– Не зря, – возразил кто-то другой. – У него хватило храбрости... это уже само по себе заслуга. А Рарог ныне доволен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.